

Зрмата
Дрър

Феникс

Тринадцатого клана

Annotation

Повесть о невозможной, всепобеждающей любви, оживившей даже мертвое сердце.

Феникс Тринадцатого клана

Высший вампир Даори Энриати любил свою измененную форму белой летучей мыши. Увы, не ослепительно белой, как бы ему хотелось, чтобы уж окончательно шокировать кланников, но и серовато-жемчужная шкурка ему нравилась.

Она так хорошо сливалась с серыми потолками Академии Тьмы!

Даже вездесущие паучки магической сигнализации не обращали на летучую мышь внимания, пока она не летала, а тихонько ползала по сводам. Да что там бездушные искусственные паучки, если даже вездесущие «серые тени», эти самые незаметные и привилегированные из боевых демонов, редко когда замечали крадущуюся над их головами серую на сером мышь!

Благодаря осторожности и незаметности Даори стал лучшим из осведомителей Тринадцатого клана. Почти сразу с момента заключения великого договора, когда их князь вынужден был поклониться темному владыке, каждый Неупокоенный искал любую возможность освободить вампирский клан от чуждой власти.

Мертвые не должны подчиняться живым, даже если это демоны. И уж совсем позор — подчиняться собственной пище, а демоны — горькая, обжигаяще горячая, но все-таки пища.

Впрочем, Темный Трон тоже не особо рад таким подданным, но вынужден соблюдать договор и терпеть Неупокоенных, вместо того чтобы пойти войной и уничтожить всех под корень.

Вампиров даже, скрипя клыками, демоны допустили в свою Академию. Если, конечно, претендент сдаст вступительные экзамены. Надо ли говорить, что поступали жалкие единицы. Еще меньше могли выдержать многолетнюю травлю и не сорваться, чтобы не выпить обидчика.

Даори Энриати выдержал все.

У него была Цель. С большой буквы. И он шел к ней, даже будучи мертвым, Неупокоенным, презренным вампиром.

В Академии Даори старалсяшний раз не попадаться никому на глаза, прятался под самым потолком, над балками креплений и трубами вентиляции. И наблюдал.

Именно форма незаметной крылатой мышки и жадное любопытство вампира помогли ему заметить на экзамене по языкам манипуляции Лики Тария. Его тончайший мышинный слух уловил шепот заклинания, а особое зрение вампира — мертвого существа, застрявшего на грани живого мира, позволило увидеть незримое — вызванного девушкой духа.

Очень необычного духа. Даори искренне восхитился. Такого никто еще не видел. Даже не слышал.

Дух языка. Дух никогда не жившей во плоти сущности!

Это событие могло стать ключом к самым сокровенным тайнам. И кто, как не Дух языка мог раскрыть тайну любой письменности, расшифровать самые древние свитки и скрижали, скрытые от мира древними Неупокоенными!

И Даори, вцепившись маленькими мышинными коготками в балку, воспользовался правом, которое имел каждый Неупокоенный, но которым не смел пользоваться без величайшей нужды даже под страхом немедленного развоплощения — на срочный вызов самого князя.

Мертвым открыто больше, чем живым, чье зрение ослеплено слишком яркими красками дышащего мира, резкими контрастами света и теней. А Неупокоенные умели пользоваться всеми преимуществами не-жизни и не-смерти. И одна из тщательно скрываемых ими тайн — мысленная речь с тем, кто подарил вампиру вечную не-жизнь.

В случае с Даори это был сам Великий князь Зан-о-Мьир, особенно любивший светлук кровь. Князь объединил с ним свой могучий разум, конечно, крохотную его часть, но и этого хватило, чтобы молодой вампир преисполнился ужаса перед его силой.

Он получил и тщательно выполнил данные ему инструкции, но, увы, Лика не захотела раскрыть тайну вызова. Даже величайшая цена — долг клана! — ее не соблазнила.

«Что же делать, мой князь?» — мысленно воззвал Даори, получив вежливый отказ от владелицы величайшего из заклинаний.

«Наблюдай, но не нападай. Той, кто приказывает дракону смерти, мы не можем угрожать. Ищи, в чем ее слабость. У нее есть близкая подруга?»

«Миранда из Вечерних теней».

«Соблазни ее и возьми выкуп за жизнь с Лики. Если та снова откажется, мы в любом случае не проиграем, приняв в клан демоницу из Вечерних».

* * *

Едва Даори покинул главное здание Академии, на него напали.

Волной тьмы его смело и припечатало к стене. Мощная рука сгребла ворот рубахи и приподняла вампира, лишив его ноги опоры. Живое существо задохнулось бы от такой хватки. Мертвому стало немного неудобно, и только. Он посмотрел в горевшие яростью синие глаза напавшего.

— Какая честь, ваше высочество! — ухмыльнулся прижатый к стене Даори. — Вы изволили испачкать руки о вампира? Благодарю, я польщен.

— Что тебе нужно от Лики? — прорычал принц Тьмы.

Никогда вампир не видел наследника Темного Трона до такой степени разгневанным. Он его вообще мало видел и ни разу сам не попадался тому на глаза — куда Даори с мертвым рылом в демонический ряд высшей аристократии Тархареша.

Но слышал о принце немало. Надменный, холодный со всеми без исключения, кроме женщин, принц Дьяр отличался безукоризненными манерами. Если, конечно, дело происходило не на тренировочном полигоне и не в военном походе. Да-а, сегодня парень был явно не в себе.

— Просто познакомился с новенькой, — тускло произнес вампир и отвел глаза в сторону, сознательно продемонстрировав жест признания превосходящей силы, принятый у животных. Подействовало. Его поставили на землю и брезгливо отряхнули руки. — Без всяких намерений познакомился, ваше высочество. Девушки в Академии — слишком большая редкость, реже, чем даже вампиры. Хотел узнать, так же их гнобят на экзаменах, как нас, или еще хуже.

— Я выясню, с намерениями или нет, — принц не угрожал, а констатировал. Он действительно мог вытащить интересующие его сведения даже из мертвого. — Держись от нее подальше, Неупокоенный, иначе от тебя и трупа не останется. Понял?

— Безусловно.

Синеглазый демон раздраженно плеснул за спиной огромными крыльями мрака. Которые в любой момент могли оказаться для врага облаком удушающего яда. В данном случае бесполезного, о чем прекрасно знали оба собеседника.

— Мне не нужны ваши вампирские экивоки, которые вы так ловко умеете превращать в противоположность, — процедил Дьяр. — Мне нужна четкость. Ты будешь держаться от Лики на расстоянии, исключаящем даже беседу. Да или нет?

— Да.

— И передай всем своим однокланникам, в первую очередь твоему князю: Лика Тария — под покровительством Темного Трона. Впрочем, старого кровопийцу и без тебя уведомят. Ступай.

Даори выразил свое мнение о наследнике, чтоб ему в Хурговой бездне гореть, и отношение к его приказам единственным доступным способом: вместо того чтобы «ступать», обернулся летучей мышью и порхнул прочь над самой головой врага, взвев ветром от крыльев его длинные черные волосы.

— Наглец! — гроыхнуло ему вслед, но преследовать его не стали. Велика честь.

* * *

И тогда Даори, верноподданически забыв о Лике Тария, обратил пристальный взор мертвых глаз на Миранду. И следил за каждым шагом красноволосой демоницы.

К счастью, приказ Великого князя совпал с желанием самого вампира: после небольшой стычки и брошенных в лицо оскорблений ему очень хотелось проучить дерзкую демоницу. А тут и разрешения у иерархов на ее кровь просить не надо.

Миранда иногда жалела, что родителей не выбирают. Иначе она не родилась бы непризнанной княжной, внебрачной дочерью младшего сына князя Тьора Вечернего, что давало ей право задирать изящный носик и претендовать на высокие ступеньки в иерархии.

Отец Миранды сгинул в войне с орками, не успев признать девочку, но кровь не пропьешь, если ты не вампир. Демоны, существа темпераментные и азартные, охотно закрывали глаза на законность рожденных в страсти детей. Главное для Теней — магия крови. Чем ближе к истокам, тем она сильнее, а Миранда оказалась первой и единственной в младшей княжеской ветви.

Правом на титул, желанным и уважаемым любой нормальной демоницей, девушка не пользовалась, признания принципиально не добивалась, и дед, оценив ее скромность, особо благоволил к неофициальной внучке. Она жила просто и тихо, предпочитая бурным играм и балам безмолвную книжку, а прогулкам с подругами — широкий подоконник, на котором так удобно читать.

Да у скромницы и не было в детстве подруг. Скромность для демониц не украшение, а повод для издевки в школе. А Миранда, хоть и была мирной девочкой, но боевая броня у нее всегда наготове. Драться она не любила, зато умела, а в драке подруг не заводят.

В глубине души Миранда считала себя белой вороной.

Девушка обладала вполне классической, то есть эффектной, демонической внешностью: ее треугольное личико украшали чувственные губы и большие глаза цвета вишни, подчеркнутые длинными ресницами; ее густые, закатного цвета волосы ниспадали до тоненькой талии; ее округлые бедра, обтянутые короткой юбочкой, призывно покачивались при ходьбе. Именно поэтому Миранда предпочитала ходить, а не летать. Несмотря на ее совершеннолетие, родовая магия не торопилась раскрыться во всей красе, крылья еще не выросли до нормальных размеров, и в полете девушка чувствовала себя сущей курицей.

А белой вороной она считала себя потому, что ее душа была совсем не жестокой и хищной, как полагается приличным демоницам.

Она не претендовала на роль хитрой стервы. Она никогда не мечтала доказать превосходство над отсутствующими подругами или власть женщины над тупыми рогатыми животными, называемыми демонами. Она втайне от всех предпочитала поплакать над любовным романом, контрабандой привезенным из Белой империи. Разумеется, герои в таких книжках — сплошь белокурые и голубоглазые рыцари-маги.

И — главное — Миранда мечтала не о роли хозяйки собственного домика, где обитал бы закольцованный ее чарами мускулистый и рогатый от природы высший демон и куча демонят с крохотными рожками, нет. Она, сидя звездными ночами на подоконнике и свесив стройные ножки, мечтала о путешествиях.

И в каком-нибудь путешествии по Белой империи она обязательно встретит его — белого и чистого мага с голубыми глазами, золотистыми локонами и прекрасными, как перистые облака, крыльями. И, конечно, завоюет его светлое сердце.

Увы, в глуши Тархареша, Темного царства демонов, белому магу неоткуда взяться.

А загорелые стройные ножки, видневшиеся в окне второго этажа скромного дома захолустного городка, произвели неизгладимое впечатление на того самого, заранее

отринутого в мечтах, мускулистого демона по имени Тай. И демон тут же начал осаду.

Миранда, за неимением лучшего, подружилась с настойчивым парнем, но упорно не соглашалась на замужество. Тай вполне устраивал ее как друг, на которого всегда можно положиться, а на его широкие плечи положить мелкие девичьи проблемы или крупные тяжелые сумки.

Вместе с Таем девушка приехала из провинции в столицу Тархареша и даже умудрилась поступить в Академию Тьмы. Конечно, благодаря находчивой Лике, ее недавней подруге, но все-таки.

И там-то, в Академии, не успела Миранда поступить, в один ужасный день она встретила свою мечту, обладавшую полным набором идеального белого мага.

У него имелись и золотистые локоны, и чувственные губы, и большие раскосые глаза с гипнотическим небесным блеском. Он обладал и широкими плечами, и накачанным торсом, и даже восхитительными жемчужными крыльями!

Увы, этот прекрасный маг ее мечты... был мертв.

Хуже того, он оказался вампиром!

Презренным ходячим трупом, один вид которого породил в душе Миранды бурю негодования. Неупокоенный красавчик Даори Энриати стал гнусной насмешкой над ее мечтами. И она возненавидела его больше, чем всех остальных вампиров вместе взятых.

* * *

Миранда не могла рассказать о своем разочаровании даже единственной подруге Лике. По части скрытности дочь Вечерних теней оказалась истинной демоницей. Эту боль она положила на дно жестокого по определению демонического сердца. И эта заноза саднила непрестанно.

И почему-то ухаживания Тая, шансы которого завоевать Мирандино сердце, казалось бы, возросли, вместо утешения стали раздражать ее особенно сильно.

Вместо карих глаз Тая, смотревших на нее с обожанием, ей грезились небесно-ангельские, безнадежно мертвые, смотревшие с укоризной после того, как она обозвала их обладателя «смердящим трупом».

А тут еще эти одержимые горгульи, дни и ночи напролет оравшие на крыше башни!

Подружки — Лика и Зулия — сбегали из Башни трех принцесс под любым предлогом. Миранда первый раз тоже напросилась к Таю. Но ее терпения хватило ненадолго. Обычно сдержанный парень словно взбесился, лез с признаниями и поцелуями. Миранда еле отбилась от обнаглевшего демона и сбежала.

А куда бежать в комендантский час? Из стен городка не выпустят, в башню вернуться — лучше уж сразу горгульям на корм.

Миранда, побродив по пустынным дорожкам, забралась на дерево в парке, спряталась в ветвях и предалась обычному делу — жалеть себя, любимую. И так увлеклась, что не заметила, как на ветку над головой опустилась белая летучая мышь.

— Не стоит он твоих слез, — услышала девушка тихий, как шелест листвы, голос.

Вздвогнув, она подняла голову, но никого не увидела. Казалось, сама Тьма снизошла до измученной демоницы и заговорила... почему-то приятным и смутно знакомым мужским голосом, но неважно.

— Кто ты? — спросила Миранда.

— Друг.

— Упаси меня Тень от таких друзей, которые боятся предстать перед глазами.

— Я не могу, — вздохнул невидимка. — Я заколдован.

— Ну да, ну да, — засмеялась совсем не впечатленная девушка. — Скажи еще — заколдованный принц, и тебе нужен расколдовывающий поцелуй.

— А можно? — оживился потусторонний шепот.

— Нет! Где ты прячешься? — Миранда всмотрелась в густую листву, откуда доносился голос. — Покажись!

— Меня может увидеть только твое сердце, — печально прошелестела листва. Один листок слетел и лег невесомой ладошкой на плечо девушки. — Не бойся, я не причиню тебе зла.

— Скорее я тебе причиню! — бурно отреагировала демоница на унижительное «не бойся». — Ты что, слепой? Не видишь, что я — Вечерняя тень, боевой маг!

Будущий, но неважно, Миранда с блеском закончила магическую школу. И взяли ее сразу на третий курс Академии. Авансом, правда, но это тоже неважно.

— Вижу. Ты прекрасна, Вечерняя тень.

— Ой, вот не надо льстить, терпеть не могу! — фыркнула девушка. — Я обыкновенная. Не порти ненужными комплиментами такую чудесную ночь и вообще не мешай мне.

— Позволь поинтересоваться, чему я помешал? Что ты делаешь на дереве?

— То же, что и ты, Невидимка. Разговариваю.

— А для тебя принципиально делать это именно на дереве?

— А где? Внизу дежурные магистры бродят, караульщики бдят, да и скамеек во всем парке нет, поспать негде.

— Поспать? На улице? — изумился голос, в котором особенно явственно прозвучали знакомые нотки. Где-то Миранда его уже слышала. Но где?

— Где хочу, там и сплю, — буркнула она.

— А ничего, что комендантский час? А если тебя застукают?

— Будешь так шуметь, точно застукают, тогда я тебе невидимую шею сверну, прежде чем меня отчислят.

Голос надолго замолчал. Обиделся, наверное.

— А почему ты не можешь спать в своей комнате? — спросил он, когда девушка начала уже задремывать. — У вас же целая башня на троих девчонок. Что у тебя случилось?

И неожиданно для себя Миранда разоткровенничалась. И о проказливой Шу рассказала и о горгульях, и о подозрительной Кикирусе, и даже о своей обиде на друга детства Тая.

— А я тебе сразу сказал: не стоит он твоих слез, — повторил собеседник. — Тем более ты его не любишь.

— Откуда тебе знать? — рассердилась Миранда.

— Твое сердце не бьется при виде его так, как должно биться, когда любят.

— А ты доктор и проверял пульс?

Голос слегка смутился:

— Нет, но я маг, и у меня отличное зрение. Например, сейчас я вижу, что ты замерзла и дрожишь.

— Ничего я не замерзла! — возразила девушка и поежилась — даже жаркая демоническая кровь не выдерживала промозглого ночного ветра.

— Я знаю хорошее укрытие, где ты можешь спокойно выспаться. Тебя никто не потревожит.

— Даже ты? — усмехнулась Миранда.

— Тем более я. Говорю же: я заколдован. И совершенно безвреден.

— Опять врешь! — не поверила демоница, прекрасно знавшая, что в Темной стране безвредных не бывает.

— Для тебя безвреден, — уточнил собеседник. — Если хочешь, я могу дать тебе клятву непричинения зла.

Конечно, девушка захотела. Кто же откажется, когда клянутся жизнью? И откуда ей было знать, что давший ей клятву давно мертв и слова его пусты, как высохшее дерево?

Даори Энриати объяснил будущей жертве, как незаметно забраться в подвал учебного корпуса, рассказал, где спрятан ключ от подвальной каморки, в которой хранилась всякая рухлядь. Но провожать, разумеется, не полетел. Не на ее глазах. Девчонка не дура, мигом поймет, что ее отправили в ловушку.

Которая захлопнется не сразу.

Соблазнение хорошенькой демоницы, презирающей Неупокоенных кровососов до глубины души, — интереснейшая задача, требующая времени, находчивости и терпения. А всем этим мертвый маг, имевший настоящую цель еще при жизни, обладал в полной мере.

Без присмотра он девушку не оставил — мало ли бродит по Академии желающих воспользоваться ее беспомощным состоянием. В первую очередь опасны магистры, а с любимым адептом, если, разумеется, это не принц Тьмы, вампир справится.

Он проследил, чтобы девушка влезла в полуподвальное окно учебного корпуса, с которого Даори давно уже снял магическую сигнализацию, навесив вместо нее иллюзию. Забрался следом, пока она искала нужную дверь, а потом нашаривала за пыльными трубами ключ (надо, кстати, срочно сделать дубликат). У него оказалась куча времени, чтобы незаметно проникнуть в каморку и спрятаться среди рухляди, пока Миранда наводила в помещении мало-мальский порядок и вытирала вековую пыль, ворча, что невидимый доброжелатель захотел ее смерти от аллергии.

После девушка кое-как почистила заклинанием найденную простыню и мгновенно уснула, свалившись куклой на мягкую стопку сложенных в углу старых матрасов, из-под которых вампир не успел вытащить свой амулет в виде горошины, просто забыл, что сам его туда спрятал. А теперь уже поздно, не будить же девчонку.

Белая летучая мышь прокралась к спящей под простынку, обнюхала ее тело, словно примериваясь, где вкуснее укусить, и удивленно, совершенно беззвучно присвистнула:

— Еще и невинна?! Не ожидал.

Именно тогда Даори понял, что Миранда не совсем обычная темная. По крайней мере, у нее странное для ее расы воспитание. Такую девушку разве что на его родине, в Белой империи, можно встретить.

И ностальгия с головой накрыла мертвого белого мага девятым валом.

Вместо того, чтобы плести козни, шпионить для своего Неупокоенного князя или хотя бы готовиться к семинару по боевой темной магии, вампир Даори Энриати охранял сон ненавидевшей его демоницы и предавался печальным воспоминаниям о несостоявшейся жизни.

Он мог унаследовать родительские владения, получить огромную власть. Он мог стать любящим мужем и прекрасным отцом. Он мог повзрослеть, в конце концов.

А остался навсегда двадцатилетним юношей, лишь единожды познавшим женщину — опытная светлая магиня сама его соблазнила. По приказу его матери, как потом выяснилось. Лен-магиню Лолию Энриати удручало равнодушие ее чересчур хорошенького сына к прекрасному полу, и она хотела убедиться в его нормальности.

Да, сердце золотоволосого красавца Даори никогда не знало любви, если не считать сыновней. А мать он скорее боготворил, чем любил. Прекрасная светлая магиня с

белокурыми локонами и васильковыми глазами стала для него идеалом женщины. Именно такой он хотел видеть свою жену. Но кроме внешности будущей избранницы, у Даори был еще целый список достоинств, которыми должна обладать невеста. И не последние из них — дар, титул и богатство. Безродная и бездарная нищенка не нужна единственному наследнику прославленного и богатейшего рода потомственных лен-магов Энриати.

Из-за его заносчивости ни одна претендентка не смогла ни окрутить красавца, ни хотя бы затащить в постель. Размениваться по мелочам гордый аристократ не желал.

Слава рода рухнула в одно мгновение, а богатство превратилось в золотой мусор, на него невозможно было купить главное — разум его матери, прекрасной Лолии. Огромного состояния едва хватило, чтобы поддерживать ее жизнь.

Но об этом кошмаре, перечеркнувшем его судьбу, Даори не хотел вспоминать. Настолько, что сквозь дрему у него вырвался громкий мучительный стон.

— Кто тут? — встрепелась разбуженная Миранда.

Даори промолчал, до боли стиснув маленькую пасть летучей мыши.

Демоница долго прислушивалась, ворочалась на матрацах, ворча и вздыхая, но все-таки утомилась, а следом и вампира сморило.

Он вспомнил об амулете только утром, разбуженный истошным визгом.

— Клоп! — верещала Миранда. — Каменный клоп!

Летучая мышь высунула нос из темного угла и обомлела.

Гнездо из матрацев было разворошено и раскидано, а на обнажившихся под ними каменных плитах лежала горошина его амулета, на которую он сам наложил иллюзию мерзейшего и опаснейшего насекомого, один укус которого мог парализовать даже дракона, а над «клопом» нависала перепуганная и одновременно разъяренная девушка. Миг, и стройная ножка в туфельке поднялась и с силой топнула. По его драгоценному амулету.

Незаменимая для Неупокоенных, совершенно секретная разработка, позволявшая безбоязненно передвигаться при дневном свете и охранявшая дневной сон вампира, разлетелась вдребезги под каблуком демоницы.

— Вот тебя, сволочь заразная! Вот! — с остервенением давила девушка несчастное «насекомое». — У меня из-за тебя все бока в синяках! Я всю ночь не могла уснуть!

Расправившись с врагом, неженка выпрямилась, пригладила пятерней растрепанные волосы.

— Ну, спасибо тебе, Невидимка. Мало того, что тут от грязи дышать нечем, так еще и на каменного клопа спать положил. А если бы он меня укусил? Паралич сердца во цвете лет — это очень гостеприимно!

— Предположим, я тебя не положил, ты сама напросилась... — грустно отозвался Даори из угла. — Могла бы и спасибо сказать.

— Так я и сказала — спасибо тебе, — обманчиво ласково повторила девушка и, стремительно метнувшись в угол, где среди рухляди пряталась мышь, мигом разворошила укрытие и попыталась схватить. — Так вот ты где!

Промахнулась, к счастью. Летучая мышь всполошенно заметалась по каморке, поднимая крыльями тучу пыли. Миранда закашлялась, но попыталась догнать, неловко маневрируя крылышками... через минуту еще уцелевшая в кладовке рухлядь была доломана, оба летуна, задыхаясь, вывалились в дверь, а уж там было где размахнуться.

Даори еле вывернулся и удрал через отверстие вентиляции, куда демоническая извергша при всем желании не смогла протиснуться.

— Неблагодарная! — бросил он напоследок, сам себе удивляясь, как сумел удержаться и не покусать настырную ведьму.

— Ну, я же тебя не убила, мышонок, чем не благодарность? — рассмеялась Миранда. Осторожно заглянула в вентиляционное отверстие со сломанной решеткой, болтавшейся на одном гвозде. — А ты правда заколдованный?

«Неужели еще не сообразила?» — удивился Даори.

— Я подумала сначала, что ты вампир, — тут же опровергла девушка невысказанные сомнения в ее уме и сообразительности. — Но их форма изменения — черный или бурый нетопырь. А ты — белая летучая мышь. И я тебя почему-то совсем не боюсь. Неужели ты тоже вампир?

Даори не стал отвечать. Тихонько выбрался из подвала по трубам.

И днем на занятия не пошел, забившись в самый укромный угол обширных подвалов Академии. Все равно у него амулета не было, а платить за новый нечем. Разве что долгом чести, а бывший белый маг честью не разбрасывался даже после смерти.

Поначалу Даори не хотел просить помощи клана. И уж тем более он не думал просить самого князя, хотя имел полное право, раз уж поручение тот дал ему лично.

И без того несладкая и насытая жизнь Неупокоенного осложнилась многократно. И все потому, что Академия Тьмы упорно придерживалась традиций времен Единения, и занятия в ней шли днем, хотя все нормальные демоны и вампиры должны в это время спать здоровым сном. И хотя над столицей днем всегда висела дымка, затемняющая неприятные демонам солнечные лучи, для вампиров этой защиты не хватало.

Даори не нашел понимания у своего куратора — тощего, как сушеный кузнечик, демона с факультета ядов. На просьбу заменить присутствие на лекциях личными отчетами магистрам в вечерние часы после захода солнца Даори получил пренебрежительное:

— Кто ты такой, чтобы из-за тебя менять расписание?

Он попытался лично договориться с преподавателями, отлавливая их в самые ранние утренние часы или самые поздние вечерние, но те злорадно кривили губы и отказывали:

— Кто ты такой, чтобы я просто так жертвовал на тебя свое личное время?

И заламывали за снисходительность к прогульщику несусветные цены. А платить вампиру было нечем. Даже стипендия ему не полагалась: мертвым деньги ни к чему. Скучная стипендия Неупокоенным адептам Академии Тьмы выплачивалась из казны Великого князя, но Даори не забрал у него еще ни единой монеты.

И наконец бывший белый маг пришел к своему однокланнику — старшему вампиру с последнего курса. По правилам, в Академию разрешалось поступать только одному, но Тринадцатый клан потребовал привилегии для ученика убитой демонами вампирши. Даори приняли с ходу, без обычных издевательств на экзаменах. И это обстоятельство вызвало вспышку ревливой ненависти со стороны еще не закончившего учебу однокланника Эсмуса.

После первой стычки, закончившейся сломанными конечностями и рваными ранами, однокланники старались не пересекаться. А так как вампиры обладали тончайшей магической чувствительностью, заменившей отмершие ткани обонятельных рецепторов, им не составляло труда избегать друг друга.

За четыре года Даори ни разу не видел Эсмуса.

Он знал, где находится убежище недруга, но, по неписаным правилам, ни один вампир не побеспокоит другого в месте сна. Потому пришлось караулить мертвого адепта с утра пораньше.

Даори перегородил дорогу однокланнику у самого входа в учебный корпус.

Увидев его фигуру, Даори ужаснулся: длинный и тощий, как скелет, обтянутый желтой кожей, Эсмус действительно выглядел сущим трупом. Неупокоенные адепты явно голодали на студенческом поприще.

Неужели он, Даори, выглядит так же тошнотворно? — кольнуло вампира.

Он украдкой скосил глаза на свои руки и ноги, убедился, что они такие же, как пять лет назад. Из-за неспособности смотреться в зеркало вампир не мог контролировать свою внешность. Неупокоенные не потеют, им не надо мыться так часто, как белым магам, только если запачкаются, а это случалось редко — с чего бы пачкаться летающим существам? Магия удерживала волосы в идеальном порядке. Они не росли, как и ногти, как и все,

остающееся неизменным годами, а у Старших и веками, тело. Но, оказывается, оно могло истончаться.

— Чего тебе? — буркнул однокланник. — Соскучился?

— Эсмус, мне нужна твоя помощь. Я случайно сломал амулет. Ты не мог бы...

— Нет, — оборвал его Неупокоенный. Взгляд тусклых черных глаз прошелся по лицу Даори, на миг оживился вспышкой зависти. — А ты все такой же чистенький, белый глист. Лучший лингвист Академии, наслышан. Полиглот. Знаток древних языков. Может, без амулета ты поменьше будешь нос задирать. Вспомнил о моем ничтожном существовании. Снизолел, надо же. Вспомнил? Забудь.

Эсмус оттолкнул его костлявой ледяной рукой и заторопился прочь, бормоча:

— Еще и тепленький, надо же. Пожрать где-то успел, а я тут голодай...

Даори ошеломленно смотрел вслед. Мимо, толкаясь, спешили демоны, но бывший белый маг не обращал внимания на тычки. Он почувствовал холод такого же Неупокоенного, как он сам. Почему? Даори давно не ел, очень давно. Того, что перепадало с щедрот ректората, вынужденного соблюдать договор с Тринадцатым кланом и завозить вампирскую пищу, не хватало и на день. Тело Даори не могло быть теплее воздуха, а на дворе уже осень.

Так и не решив загадку, вампир отправился прогуливать занятия в библиотеку.

А вечером, едва он привел в порядок каморку, кое-как вытер пыль и уже собрался вытянуться на стопке матрацев, застеленных свежей простыней, как в дверь постучала Миранда.

Пришлось ночевать в вентиляционной трубе, забравшись так, чтобы демоница не могла дотянуться и вытащить.

— Прости, — извинилась она. — Мне больше негде спрятаться, понимаешь?

— Понимаю. Мне тоже. Нигде уже не спрятаться.

Она предпочла не заметить иронию.

— Я поссорилась с Таем. Лике не до меня, она с драконом смерти уроки решает. Странная она, хоть и подруга. Ей даже дракон смерти ближе, чем я. Мне обидно. У меня никогда не было подруг.

— Почему?

Зря спросил. Из прошлой жизни помнилось, что девчонки слишком болтливы.

— Долго рассказывать, — буркнула Миранда, опровергая досужие сплетни о девичьей болтливости.

— И все-таки? — удивляясь самому себе, спросил Даори.

— Если ты выползешь из своей железной трубы, расскажу. Не умею я стенам рассказывать. Мне собеседника видеть надо. Иди сюда, я больше не буду тебя гонять. Даже не дотронусь.

Проклиная свою доверчивость, летучая мышь выползла из вентиляции, но предусмотрительно повисла на трубе под самым потолком, держа на взводе заклинание иллюзии. В крайнем случае глаза девчонке отведет.

— Как тебя зовут, мышь? — спросила наблюдавшая из-под ресниц демоница.

— Так и зовут — мышь.

— А... ну, как хочешь, а я буду тебя звать Мышонок. А кто тебя превратил в мышь и кем ты был раньше?

— Ты хотела рассказать о себе.

— Это неинтересно. Но раз обещала...

И Миранда рассказала внимательному слушателю о своем одиноком детстве белой вороны, о книжных сказках, которыми наслаждалась, в то время как соседские девчонки устраивали на кого-нибудь охоту, точнее, травлю. О том, как и ее пытались травить маленькие демоницы, но у них ничего не вышло. Почти ничего. Дратся Миранда научилась не сразу, и один клык ей выбили, пришлось обращаться к пленной белой магине. Да, у них в клане Вечерних теней жила такая рабыня, наложница какого-то высшего демона.

Зуб Миранде вырастили, как новый, а пока выращивали, рабыня рассказывала девочке о Белой империи и попросила в награду принести ей книжку о ее родине. Миранда добыла у деда в библиотеке и принесла, а предварительно сама в нее заглянула. И с тех пор она заболела далекой прекрасной страной, где живут светлые красавицы, умеющие заговаривать и выращивать зубы, где скачут на крылатых пегасах белые рыцари, где вместо цветов растут сверкающие на солнце алмазы, а дорожки в благоухающих парках вымощены золотом.

Летучая мышь фыркнула: сказки темных о светлых всегда отличались смешными нелепостями. Впрочем, сказки светлых о темных отличаются нелепостями кошмарными.

— Не так там все, и алмазы на клумбах не растут.

— Откуда ты знаешь? — недоверчиво сощурилась Миранда.

— Я заколдованный белый маг, — призналась мышь.

— Расскажи, пожалуйста.

И Даори рассказывал, стараясь не упоминать о своей личности и биографии. Он описывал императорский дворец, балы, припомнил парочку легенд, даже спел балладу, под которую демоница так и уснула, не раздеваясь и обняв подушку.

Так они встречались каждую ночь, болтая почти до утра.

Ни с кем и никогда Даори не было так легко, если не брать во внимание разницу культур и традиций. Да, она полная его противоположность во всем. Он — почти мертв, она — бурлящий вулкан жизни. Он — бывший светлый маг, она — бывший враг его расы, демоница. Она — далеко не его идеал женщины. А он... он — презираемый как белыми, так и темными расами неумерший мертвец. Кровососущий труп, паразитирующий на живых организмах.

Вот кем ты стал, Даори. Даже демоница для тебя теперь слишком хороша.

* * *

Даори днем отсыпался, вечерами крал у однокурсников и переписывал лекции, а утром подбрасывал тетради обратно.

А вот Миранда совсем спала с лица. Она не высыпалась катастрофически. И через неделю Даори прогнал ее.

— Ваши горгульи сегодня смирнехонькие и тихонькие. Я проверял, — сказал он девушке, едва она переступила порог. — Тебе надо отоспаться, Миранда. И мне. Либо мы молчим, либо я уйду, либо ты.

Бросив долгий взгляд на воинственно встопорщенного мыша, демоница процедила:

— Спокойной ночи, Мышонок. Сегодня я посплю у Тая.

И ушла к своему жениху, Даори проследил.

И пробыла у него всю ночь, вампир так и провисел летучей мышью над дверью в комнату проклятого демона.

И вышла она под утро с припухшими от поцелуев алыми губами, прекрасная и опять невыспавшаяся. Взлохматила пятерней распущенный до пояса костер волос и задрала голову, безошибочно отыскав жемчужный комочек зверька, висевшего вниз головой. Улыбнулась,

сверкнув белыми клыками. Демоница, что с нее взять. Нахалка бесстыжая.

А вечером она уже не пришла.

И сидеть одному в опустевшей конуре для Даори стало невыносимо.

Миранда больше не появлялась ни в парке, ни в подвальном убежище. Даори издали наблюдал за ней и ее подругой Ликой, как мог, а мог он куда меньше, чем с амулетом.

И тосковал. С ума сойти, он тосковал по общению с демоницей! С представительницей расы, которая скормила его, белого мага, вампирам и теперь его же презирает за новую сущность.

Он слишком давно ни с кем не коротал время жизни и не-жизни за дружеской беседой. Нет, вампир не должен сближаться с будущей жертвой. Все к лучшему.

* * *

А еще через неделю сам Великий князь, потребовавший у Даори отчета, пообещал прислать амулет, но за это наорал на нерадивого за его неуместную скромность. Что хуже всего — наорал мысленно, выев ему мозг от макушки до копчика.

После взбучки голова у Даори раскалывалась, он беззвучно поскуливал в новой норе, устроенной в каминной трубе библиотеки. Иногда срывался и на полновесный вой, и тогда по помещениям разносился потусторонний заунывный стон. Для Академии Тьмы самое то, но магистры всполошились, устроили облаву на баньши, и Даори был вынужден бежать. К счастью, на улице царила ночь.

На свежем воздухе полегчало, вампир вспомнил о дупле в старом дубе.

Увы, о нем помнили и магистры, и оно оказалось закрыто заклинанием. Возиться с отмычками сил не было, вампир повис вниз головой на ветке, с тоской вспоминая, когда вообще последний раз ел.

Только депрессией можно объяснить тот факт, что Неупокоенный пропустил приближение красноволосой врагини.

Демоница, выследившая дичь, подпрыгнула, распустив смешные, как у подростка, крылышки, и через миг белый пищащий комок забился в ее крепких когтистых руках... снабженных магическими перчатками ловчего! Усыпляющими пойманную дичь!

— Тише, крылья ломаешь, Мышонок! — Миранда прижала пойманного к тугой девичьей груди, обтянутой лишь шелком халата.

Даори совсем запаниковал, но крыльями бить перестал, беспомощно распустив их и настороженно кося голубым глазом на мышеловчую демоницу. А ее грудь так волнующе вздымалась и казалась такой аппетитно большой... с точки зрения мышьиной ипостаси, а сердце так оглушительно билось, и вся она так одуряюще пахла горячей жизнью!

Тут вражеские ладони в перчатках сжались, пальцы негодяйки особым образом переплелись, запуская заклинание сна, и опаснейший высший вампир, бывший белый маг и недоучившийся темный, позорным образом провалился в колдовской сон.

* * *

Очнулся он в тех же ладонях, прижатый к той же умопомрачительной груди, и ловкие девичьи пальчики блестящими, украшенными рубиновыми стразами коготками почесывали его голову между ушек и гладили повисшие тряпочками крылья.

— Ты такой хорошенький, у тебя такая мягкая шерстка, Мышонок, — тихонько ворковала похитительница вампиров. — Ты обиделся на меня? Я тебя неделю по всей Академии выслеживала! И все-таки поймала!

«Прости, Великий, но сейчас я укушу эту глупую демоницу без соблазна!» —

вздохнул Даори, поднимая тяжелые веки.

— Смотри, Зулия, у него голубые глазки! И как это я раньше не разглядела? Подумать только, какая прелесть! — восторженно воскликнула глупая-глупая девчонка, которую так хотелось придушить. — Скажи что-нибудь, Мышонок, а то она не верит, что ты заколдованный и говорящий.

Здесь еще и Зулия!

Даори еще летом случайно узнал тайну «островитян» — подглядел за ночной тренировкой троицы, где Зулия поранилась, а вампир мгновенно унюхал светлую магию ее крови. Уж в чем в чем, а в светлой магии бывший лен-маг прекрасно разбирался. Но кто он такой, чтобы портить чью-то игру? Вот вампир и наблюдал, не сообщив никому. Ему невыносимо было даже представить, какому наказанию демоны подвергнут Зулию, если Великий решит продать информацию Темному Трону. Такому же, какому подвергли самого Даори. Хуже нет казни, как вывернуть светлого мага и превратить в противоположность, сохранив ему разум.

Нет, пусть кто-нибудь другой закладывает имперских лазутчиков, если друзья Зулии такие же — это и проверять не хотелось. А ему хватит слежки за Ликой и Мирандой.

Зулия тут явно лишняя.

Поняв, что вырваться, не покалечив вредную демоницу не получится, Даори расслабился. Руки у нее такие нежные, ласковые, так и представляешь, что они гладят не шкурку, а... да вот хотя бы кубики мужского пресса обводят пальчиками. А потом ее смуглые пальчики зарываются в его золотистую гриву, а сочные губы приближаются...

Нет, не надо на него дуть! Щекотно!

Он благоразумно молчал, прикидываясь самой обычной, немножко ручной летучей мышью. И, полузакрыв глаза, посматривал, куда бы бежать. Эта бешеная демоница притащила его в Башню трех принцесс, отсюда так просто не сбежать. Тут столько магических запоров, словно всю казну Темного Трона сложили в подвалах. Кстати, интересная мысль...

— Зулия, глянь, это точно не вампир? — Миранда потормошила разомлевшего от ласки «зверька».

— Вампир давно бы тебя цапнул, дорогая, — усмехнулась Зулия. — Если сомневаешься, положи его в клетку, а клетку поставь на солнце. Только проверь, нет ли при нем их амулета, иначе бесполезно. Они ее обычно в пасти держат. Это такая бурая горошинка, с половину ногтя размером, похожая на каменного клопа.

— Горошинка? — помертвевшим голосом переспросила Миранда, а ее когти слегка удлинились, впиваясь в белую шкурку. — Похожая на каменного клопа?

«Откуда Белая империя знает о сверхсекретном амулете?» — успел подумать Даори, как его оглушил вопль красноволосой демоницы:

— Вампир! Проклятый вонючий труп!

А его тело с размаху швырнули об стену, еле увернулся. Радостно нырнул в каминную трубу... и разочарованно взвыл — она оказалась перекрыта! Это конец.

— Да с чего ты взяла, что эта тушка с крыльями — вампир? — засмеялась Зулия.

— Так я же раздавила его амулет, приняв за каменного клопа! Знаешь, как я перепугалась? А потом, когда вернулась в ту каморку, рассмотрела обломки и поняла, что никакой это не клоп.

— И где сейчас эти обломки? — нарочито равнодушно поинтересовалась белая

шпионка.

— Выбросила, давно уже.

— Куда? Где ты, говоришь, эта каморка?

— На улицу, под дерево. Может, до сих пор там валяются. Пойдем, покажу. Никуда этот вампирюга отсюда не денется. Сейчас, только расчешусь, подожди.

Даори услышал, как по каменным плитам процокали каблучки. И замерли.

— Зулия, а что за амулет, если тебе даже обломки интересны?

— Они его называют «антизагар», кажется. Без него вампир сгорит в солнечных лучах.

Конечно, у нас тут в столице магическое затемнение включено, но у этих мерзких тварей без их секретной защиты все равно будет сильнейший ожог. Это хорошо, что появились обломки, можно исследовать и научиться нейтрализовать их защиту.

«Белая дрянь», — отстраненно подумал Даори, забыв о том, что когда-то думал точно так же о Тринадцатом темном клане, пока сам не стал одной из мерзких тварей. Нестерпимо захотелось вонзить клыки в притворщицу Зулию, заставить ее на своей шкуре почувствовать, каково это — быть вампиром.

Но у него другая задача. Не говоря уже о тайной цели, давно ставшей смыслом его нежизни.

Пока подруги болтали, он подобрался к самому устью камина и теперь следил за каждым движением девушек. Едва Зулия распахнула дверь, он перепачканной сажеей стрелой вырвался из камина и не отказал себе в удовольствии, пролетая над головой «островитянки» вырвать из ее крашеной шевелюры клочок волос.

Ну, а с Кикирусей он договорится. Старуха всегда жалела вампиров, «несчастненьких порченных мальчиков». Так и получилось. Кастелянша словно караулила внизу и мигом распахнула входную дверь, выпуская летучую мышку, даже платочком вслед помахала, а вот перед носом Зулии резко захлопнула.

Миранда больше не искала его, вооружившись книгой поисковых заклятий и перчатками ловчих. Она, кутаясь в теплую шаль, сидела каждую ночь на том дереве в парке, где впервые услышала тихое, но такое верное: «Не стоит он твоих слез».

Сидела до тех пор, пока Даори не сжалился, хотя проще было покусать девку и не мучиться.

— Что, опять горгульи спать не дают? — спросил он, устраиваясь на всякий случай повыше и подальше. Мало ли, что в эту красноволосую голову взбредет.

— Ты правда вампир?

И он опять промолчал.

— Значит, правда, — вздохнула девушка. — И ты умрешь без амулета?

— Нет. Я давно мертв, — зло усмехнулся Даори, хотя мышинной пастью попробуй усмехнись.

Посланник князя с амулетом задерживался, Даори терял позиции лучшего ученика и приобретал славу худшего прогульщика, а куратор уже потирал руки и говорил о скором отчислении. Пришлось кланяться ректору Вултону и давать взятку — последние наличные деньги. Правда, князь обещал похлопотать, если и Даори ускорится с выполнением задания. А он медлил. Он явно нарывался: промедление считалось дерзостью.

— Тебе-то какое дело, Миранда? — фыркнула летучая мышь. — Одним смердящим трупом станет меньше.

— Ты совсем не пахнешь мертвечиной.

— Да неужели? — оскорбился Даори, всегда отличавшийся чистоплотностью. — Вампиры, к твоему сведению, ничем не пахнут, они не потеют и не гниют. А я — вампир, — произнес он наконец это страшное слово.

— Почему я тебя не боюсь?

— Потому что дура! — в сердцах бросил Неупокоенный.

К его удивлению, девушка даже не возмутилась. Значит, осознает собственную глупость. Не безнадежна. Жаль, мало ей осталось для того, чтобы поумнеть.

— Мне кажется, я знаю твое имя, — задумчиво сказала она. — Я тебя видела в другой ипостаси, когда ты летом говорил с Ликой о каком-то заклинании. Ты — Даори Энриати. Так?

Зря она вспомнила. Было куда проще, когда он был для нее летучим мышонком.

— Да, Миранда, именно так.

Вот и познакомились. Славно. Теперь самое время приступить к соблазнению, но Даори стало невероятно противно. Нет, девушка привлекательна, слов нет. Ножки, грудь, талия в обхват его ладоней. Губы, созданные для поцелуев. Кровь горячая и невинная, несмотря на ее ночевку у жениха... Что может быть вкуснее для вампира? Но... настроения нет. Выпить ее хочется, а соблазнять — нет. Чисто гастрономический интерес.

— И это ты был белым шпионом? — допытывалась девушка. — И тебя после пыток скормили Неупокоенным, а они сделали из тебя такого же?

— Как видишь, — коротко ответил Даори, не желая вдаваться в кошмарные подробности короткой прижизненной биографии.

— Кем ты был в Белой империи? — спросила эта ненормальная. — Я все равно теперь узнаю у деда, наверняка он слышал о тебе, так лучше уж ты сам расскажи.

— Наследником лен-мага. Лен — это крупные земельные владения, которые белый маг обязан содержать в порядке и гармонии с соседями.

— Как у нас князь, глава клана?

— Не совсем. У вас князя делает власть над подданными. Чем больше подданных ему поклонится, тем он сильнее. Тем крепче власть. Над душами. Поэтому это — темная власть. А у нас лен-маг — одно целое со своим наделом. Земля и все на ней растущее дают ему силу и мощь.

— То есть лен-маги — это просто сильные маги земли?

— Можно и так сказать, — ему не хотелось вспоминать.

— И он вынужден сидеть в земле, как дерево? — все-таки эта девица-демоница до ужаса наивна.

— Нет, он может путешествовать. Связь с леном не физическая, она — магическая и духовная. Лен-маг может передать ее преемнику или наследнику. Или даже полностью разорвать, — и он не стал говорить, как это безумно, чудовищно больно. Хуже, чем обращение в вампира. Он равнодушным тоном продолжил: — Без земли лен-маг утрачивает право титула. Он — просто бродячий маг, черпающий силу в самом себе.

Но иногда и такие изгои очень сильны, усмехнулся он про себя. Не земля, не ветер, не лес и не вода делают мага. Дар — это Свет, который всегда с ним. Даже после смерти, в искаженном теле вампира. Это дар свыше.

— Почему же ты бросил свою землю и стал лазутчиком в Тархареше? — спросила дотошная демоница.

— Долг перед империей, — уклонился Даори от ответа.

Не мог же он ей сказать «потому что наивный легковверный идиот».

— А у тебя была там любимая девушка? — голосок Миранды показался ему напряженным.

Даори вспомнил свой единственный раз с женщиной и скривился. Вот ту магессу ему сейчас даже выпить не захотелось бы. Нашел же его князь соблазнителя.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Нет, любимой не было, а теперь уже и не будет.

— Почему? — искренне изумилась она.

Где, скажите, в какой первозданной пустоте выросло это дитя темных? — возвел очи к небу пушистый крылатый зверек.

— Мертвое сердце неспособно любить, — терпеливо пояснил он. — Мертвая плоть неспособна к любовным утехам.

— Совсем? — не поверила Миранда, начитавшаяся контрабандных романтических историй.

— Совсем. Все сказки о страстных вампирах-любовниках — это наша пропаганда для легковверных девочек, у которых вкусная кровь. А жертвы уже никому не расскажут правду. Иди домой, Миранда, холодно.

— Это тебе холодно, ледышка, а мне и тут хорошо. Не хочу я в башню.

— Тогда занимай тот подвал, я там прибрался и новое ложе сделал. И простыни свежие взял у Кикируси.

— Можно? Спасибо! — обрадовалась самая странная из демониц. — Извини за амулет.

Я правда подумала, что это жуткий клоп. Так не хочется сдохнуть в расцвете лет или превратиться от одного укуса в каменную троллиху!

Даори снова попытался усмехнуться мышинной пастью. Не получилось, к его досаде.

— А моего укуса ты не боишься?

— Нет, — девушка решительно тряхнула головой, рассыпая по плечам густую волну волос. Жаль, в темноте не видно их искристого винного цвета. — Ты еще не видел мою боевую ипостась. Я сама тебя покусая, поверь на слово. Кроме того, ты же поклялся не причинять мне зла.

— Я обманул. Я клялся жизнью, которой у меня уже нет.

Миранда задумалась. Молча прыгнула с дерева и пошла по дорожке к учебному корпусу, где Даори устроил себе убежище, уже переставшее быть тайным. Ведь о нем знали уже двое.

— Знаешь... — вдруг остановилась демоница, подняв лицо к звездному небу. — Слова — это буква. А в клятве главное — дух. И клянутся не словами, а духом. Ты не жив, но и не мертв, Даори. Пусть сердце твое сейчас не бьется, но что-то заставляет тебя двигаться и мыслить? Не душа ли? У тебя есть душа, и она — живая. Так не этой ли жизнью ты поклялся? Или той, которая еще может быть?

Он так удивился, что расцепил коготки и грохнулся оземь. Поднялся уже на своих двоих, отряхнул помятые серые брюки, одернул рукава серебристой рубашки, рефлекторно пригладил идеально уложенные заклинанием золотистые волосы.

Миранда наблюдала, распахнув восторженные глаза и приоткрыв от изумления губы.

Такие красивые, соблазнительные, манящие... кого-нибудь другого. А Даори голоден, он может думать только о еде. Не так ли?

О пульсирующей жилке на смуглой девичьей коже. О том, как брызнут в его холодное мертвое небо капли горячей крови, оживляя остывший труп, разогревая замершую в жилах черную кровь, запуская в теле странный процесс псевдожизни, как поднявшийся ветер запускает крылья и жернова мельницы. И его мертвое сердце снова начнет биться, легкие вдохнут полной грудью, а плоти вернется упругость. Ненадолго, пока взбурлившая в жилах жижа снова не остынет.

«Пусть сердце твое не бьется, но что-то заставляет тебя двигаться и мыслить?» — только что вопрошала эта до ужаса наивная демоница. У вампиров нет души, потому они — Неупокоенные. У них есть только Зов и Голод.

Даори на миг ощутил тошноту. Не иначе как от острого приступа неутоленной жажды, а совсем не от ненависти к себе. Вовсе нет, Великий, будь ты проклят.

— Уходи, Миранда, иначе я за себя не отвечаю, — прохрипел он, отворачиваясь, чувствуя, как вытягиваются игольчатые пустотелые клыки, которыми так удобно засасывать кровь. — Я не властен над собой, понимаешь? Я отдан Зову. Меня держит только запрет моего князя, наложенный по договору с вашим ковром и Троном. Но иногда вампиры... иногда мы сходим с ума и превращаемся в голый инстинкт, в чистую жажду, и тогда рвутся все запреты. А я очень давно не ел.

Голова кружилась. Пробудившийся инстинкт поднимался огромной волной, которая вот-вот обрушится и оглушит. И он превратится в нерассуждающего зверя.

— То есть ты видишь во мне только пищу? — попятилась девушка.

— Да, — соврал он. — Ты — всего лишь пища. Не советую бежать, это будет вызовом хищнику, и я не сдержусь. Уходи медленно, спокойно, не делая резких движений.

Она кивнула, сделала еще один шаг назад, и вдруг ее испуганное личико исказила до невозможности шальная улыбка. Розовый язычок выскользнул изо рта, призывно провел по губам.

— Тогда лови! — выдохнула она, разворачиваясь, и помчалась во весь дух, помогая себе нелепыми, полураспустившимися, совсем еще подростковыми крыльями.

«Дура. Как есть дура», — простонал бывший светлый маг. А в его разуме уже сметались все барьеры, слетали запреты, забывались приказы и оставалась только слепая безумная Жажда.

Догнать и взять. Ее кровь, ее тело, ее жизнь. Вобрать ее всю, обладать с такой полнотой, с какой может только вампир, и растворить в себе без остатка.

Миранда отнюдь не была такой наивной дурочкой, какой была вынуждена казаться. Но что поделать, если мужчины теряют бдительность именно перед такими очаровательными дурочками, пусть даже у них демонические коготочки?

А вампир — такой же мужчина. Пусть и бывший. Может быть. Тут ее источники сведений мутили воду, утверждая прямо противоположное. И Миранде ничего не остается, как убедиться своими глазами.

Белые летучие мыши не бывают говорящими. А вот у мертвых блондинов с жемчужными крыльями и ангельски-голубыми глазами вполне может оказаться такая нестандартная ипостась.

И вел он себя нестандартно для вампиров. Уж кто-кто, а Миранда знала об их поведении не только из учебников, у нее любимая учительница, знаменитая лингвистка Эллина Вивер, добровольно ушла к Неупокоенным, а после так изменилась, что от нее осталась лишь оболочка. А потом эта тварь пришла за Мирандой, соблазняя «вечной жизнью», силой и уникальными знаниями. Зачем ей эти знания? Разве это жизнь?

Даори Энриати не выходил из головы Миранды с их первой встречи в стенах Академии. Он оказался самым странным вампиром из всех, кого видела и о ком слышала демоница. Либо он вел настолько изощренную игру, что не подкопаешься. Либо странности объяснялись тем, что он был когда-то белым магом. Причем, вздохнула девушка, магом ее мечты. Он даже после смерти вел себя как рыцарь. Как жаль, что они так поздно встретились.

После первой ссоры с Даори она поплакала, потосковала, но ее деятельная натура взяла верх. И Миранда готовилась к облаве на белую летучую мышь, то и дело гоняя верного Тая, с которым пришлось опять помириться ради такого дела, в библиотеку. Миранда изучала все, что могла найти о вампирах, от древних сказаний до современных исследований, воскрешала в памяти давно прочитанное.

Она все просчитала, как ей казалось.

Она решала собственную задачу магического взросления: и ее дед, и магические свитки утверждали, что развитие Миранды как высшей демоницы запаздывает из-за ранней смерти отца, не успевшего дать ей покровительство родовой Тени. Да еще нападение вампирши сказалось — магия Миранды оказалась выжжена, такое яростное сопротивление оказала девочка. Книги утверждали: чтобы снять внутренние блоки, ей нужно снова пережить стресс.

Или не пережить, если вампир окажется быстрее.

Может быть, Миранда, всегда отличавшаяся осторожностью, и не пошла бы на такую смертельную провокацию. Ради одной только себя не сумела бы рискнуть. Магия когда-нибудь и выросла бы вместе с крыльями и без такого риска.

Но ей срочно понадобилось быть сильной. Настоящей высшей демоницей во всем блеске и величии. Чтобы один белый вампир увидел и проникся.

Но и внимание его нужно было не столько ради самой Миранды. Ради ее девичьего, воистину демонического тщеславия. Нет. Оно было нужно ради самого Даори Энриати.

Он должен узнать о словах бывшей ее учительницы Эллины Вивер, ставшей

Неупокоенной из-за безумной жажды заглянуть в древнейшие свитки Тринадцатого клана и добраться до великих знаний.

«Тебе откроются такие тайны, ключ к которым потерян еще в древности, — говорила она Миранде. — Ты боишься стать такой, как я? Но это лишь этап, дорогая. И ненужный этап, теперь-то я знаю. Ты была моей лучшей ученицей, и я открою тебе, что наша бессмертная не-жизнь, это еще не венец бытия. Я нашла ключ к древним легендам Неупокоенных, о котором не знает никто. Я знаю, как снова стать живой, по-настоящему. И, может быть, даже бессмертной, — вампириша наклонилась к самому лицу сжавшейся от ужаса девочки. — Это просто. Нужно пройти через жизнь и не-жизнь, через смерть и не-смерть, чтобы вернуться в новую, истинную жизнь, которая еще может быть даже для вампира. Ну, соглашайся, тогда будет меньше боли!»

Даори должен узнать и решить, что с этим делать.

Жаль, что дед уничтожил Эллина вместе с ее знаниями. И почему-то Миранде казалось, что вряд ли учительница ушла после развоплощения к новой жизни. Не может это быть так просто хотя бы потому, что это несправедливо. Да, юная дочь клана Вечерних теней верила в Высшую Справедливость, у каждого свои недостатки.

Но также она верила в Высшую Закономерность. Ничего не бывает случайно. И Эллина вернулась неслучайно, и о тайне сказала неслучайно, а словно сама Вечерняя тень, чьей дочерью когда-то была и безумная лингвистка, потянула ее за язык. И Даори Энриати неслучайно оказался светлым, но мертвым воплощением девичьих грез демоницы Миранды.

Осталось всего ничего — совершить невозможное. Вернуть ему жизнь. Но без желания самого вампира это немыслимо. Значит, нужно заставить его хотя бы выслушать, отнестись к себе всерьез. А как это сделать, если он видит в тебе только глупую, доверчивую... пищу?

Рассчитав провокацию, даже бросив пробным камушком канувшую в непонимание фразу: «Так не этой ли жизнью ты поклялся? Или той, которая еще может быть?» — Миранда теперь неслась по парку с замирающим от ужаса сердцем.

Она даже учла, что среди деревьев ее короткие крылья станут преимуществом, а его длинные будут цепляться за ветки. И не ошиблась.

Но не могла рассчитать, какой силой он обладал.

Даори оказался неутомим. У него не сбивалось дыхание, потому что он не дышал. У него не выпрыгивало из груди мертвое сердце. Она чувствовала его движение за спиной, ей казалось, ледяные пальцы кошмарного преследователя, чьи глаза из прекрасных голубых стали бездонными черными, вот-вот вцепятся в ее развевающиеся волосы.

И он достал ее! Схватил за кончик крыла. Рывок, и ее повело в сторону. Миранда взвизгнула, прощаясь с жизнью, ее колени подкосились... И в тот же миг какая-то мощная волна толкнула ее в спину, понесла вперед с удесятеренной скоростью, и вот уже вырвавшиеся на свободу настоящие демонические крылья подняли легкое тонкое тело над верхушками деревьев.

— Получилось! — ликовала девушка. Вот теперь она уже не будет самой отстающей на третьем курсе. Если выживет в эту ночь, конечно.

Она оглянулась: как там ее преследователь?

Да... Миранда все просчитала. Не учла одного: шнурка на ботинке.

Ошарашенный неожиданной метаморфозой беглянки, вампир опомнился, взмахнул крыльями, рванул за ней, но шнурок зацепился за ветку, клыкастого хищника развернуло и шарахнуло о дубовый сук лбом. Бедняга рухнул замертво, если это слово применимо к

Неупокоенным.

А со стороны корпуса на шум уже кто-то бежал, размахивая жезлом дежурного.

— Что тут происходит? Почему нарушаете комендантский час?

— Господин Сайк, — узнала она куратора и поморщилась. — Простите. У меня случилось обретение силы. А адепт Даори Энриати помогал.

И ведь ни слова лжи! А обретение силы — почти единственное исключение из правил, когда адепта не могли наказать за нарушение. Потому что только Тьма и Тени знали, когда и кому раскрыть силу, и комендантский час для них не установишь.

Кудрявый богатырь недоуменно поморгал на нее, перевел взгляд на распущенные за спиной девушки крылья, расцвеченные всеми красками заката.

— Поздравляю, адептка Миранда. А с этим что? — он с подозрением оглядел бездыханный труп.

— Так помогал же. Я испугалась, а ему случайно прилетело.

Труп пошевелился и застонал.

— Замечательно, — брезгливо скривился Грид Сайк, с трудом удерживавшийся, чтобы не попинать презренного вампира. — Теперь всем разойтись.

Даори с трудом поднялся сначала на четвереньки, потом, придерживаясь за дубовый ствол, выпрямился. Потер лоб, на котором в свете звезд, луны и закатных крыльев демоницы прекрасно различалась огромная черная ссадина. Кровь не текла, разумеется. Какая у голодного вампира кровь?

Он растерянно взглянул на прекрасные трепещущие крылья Миранды, улыбнулся, поднял вверх два пальца, что означало «вау!», и, пошатываясь, спотыкаясь, поковылял в сторону мужского общежития.

— Совсем неправильный вампир, — вздохнула Миранда. — А вы не подскажите, господин куратор, чем он тут питается?

— Крысами и обрезками сырого мяса в столовой, — с презрением бросил Грид Сайк. — Не будем же мы из-за пары ублюдков беспокоиться.

Значит, тут учится еще один Неупокоенный. Какие же они... незаметные.

— А разве им не привозят живых животных? — не утихало ее любопытство. — Им же свежая кровь нужна.

— Нет. Устраивать в Академии скотобойню? После их укуса туши сжигать надо, никто не притронется, даже звери. Привозят им кровь раз в месяц, и хватит. Зачем их сюда вообще допустили, непонятно. У них свои школы есть, куда никого из живых не пускают, и свитки собраны подревнее наших. Думаешь, с кем-то делятся? Кабы! А с чего такое беспокойство? Он что, покушался на тебя?

— Нет-нет, как вы могли подумать такое! — воскликнула Миранда, даже крылья возмущенно встопорщила. — Скорее, я на него. Я же высшая демоница, главная в пищевой цепочке!

И, рассмеявшись, девушка решительно направилась к Башне трех принцесс, оставив куратора недоуменно чесать кудрявый затылок.

«Даори, как продвигаются дела по порученной тебе миссии?» — разбудил вампира ввинтившийся в мозг голос Великого князя.

Даори распахнул глаза. Вечерело: в щелки затянутого паутиной окна стрелами врывались закатные лучи цвета крыльев Миранды. Их остывающие жала были уже безобидны для вампира.

«Сегодняшнюю ночь мы провели вместе, Предвечный. Еще платонически, но я уже завоевал доверие демоницы, а вы знаете, как это сложно, особенно если учесть, что у нее есть жених», — мгновенно отчитался неудачливый, зато находчивый соблазнитель. Возможно, чаще надо голову к дубу прикладывать.

«Отлично, — проворчал его собеседник, совсем как добрый дядюшка, но молодой маг прекрасно знал, на какие жестокости способна эта условно бессмертная сволочь. — Что у тебя с учебой? Наверстал пропущенное?»

«Без амулета не представляется возможным, мой господин».

«Куда ты его опять дел? Тебе его передали дней десять назад».

«Вас обманули, Великий. Никто не выходил на связь и, соответственно, ничего не передавал».

Давление на миг ослабло, но тут же вернулось с удвоенной сдержанным гневом силой.

«Я разберусь. Даори, что тебе известно о группе белых магов в стенах Академии?»

«Пока ничего, мой господин, но я присмотрюсь», — бодро ответил вампир.

«Присмотрись, мой мальчик, присмотрись, — в голосе князя прозвучала усмешка. — Ты помнишь, какое условие я тебе поставил? Моя помощь твоей матери стоит недешево, каждая капля эликсира, удерживающая ее жизнь, драгоценна, внесенный тобой залог закончился полгода назад».

«Да, господин, я помню. Благодарю».

«Что мне твоя благодарность? Твой долг перед кланом растет. Отрабатывай, иначе тебе придется отработать так, как я хочу, и вряд ли тебе это понравится!»

Давящее присутствие князя исчезло, а Даори едва не стошнило. Голова опять раскалывалась. Хотя вот чему там болеть? Мозг не чувствует боли, а остальные ткани — мертвее некуда. Голод. Проклятый Голод. Если Даори сегодня никого не выпьет, хоть крысу, то израсходует последний резерв, а там и развоплотиться может. Кто тогда поможет его несчастной матери? Уж точно не Тринадцатый клан.

Даори поднялся, оглядел мутными глазами каморку, соображая, как он сюда попал, если направлялся на свою законную койку в общежитие? Вот что значит годами выработанные рефлексy. Койку ему выделили в общей комнате, и там он еще ни разу не спал со времен поступления, прекрасно зная, что может не проснуться. Демоны не позволят, и не посмотрят ни на какие законы Темного Трона. Как же. Вампир, да еще и бывший светлый, да еще и шпион. Враг в кубе.

Впрочем, на его отсутствие на месте в комендантский час так же годами все закрывали глаза. Хотя адепты тайком заключали пари и искали его тайное прибежище — об этом Даори прекрасно знал. Но кто из них может проследить за маленькой летучей мышью?

Он толкнул дверь и замер. У порога стояла запечатанная высокая бутылка с красной

жидкостью. К узкому горлышку обрывком бечевки привязана записка. Вампир присел на корточки, прочитал послание, не дотрагиваясь до подарка: «Это бычья кровь, сегодняшняя. Взята на скотобойне со всеми гигиеническими предосторожностями. Отравы нет, забыла положить. М.».

Вот ведь... демоница! Даори попытался представить, чтобы какая-нибудь белая красавица-магиня отправилась на скотобойню за кровью для вампира, который ночью едва ее саму не сожрал. И не сумел. Непредставимо.

Интересно, а хвост у нее есть? Маленький, упругий, с нежной кисточкой... Или хвосты бывают только у низших демонов? Проверить бы, чтобы знать точно...

Нет, это же невозможно! Он целыми днями думает об этой негодяйке! О ее губках, шейке и вполне вероятном хвостике. Как же мерзко от самого себя. Это просто жажда. Даже не так — Жажда. Мучительная вампирья страсть, от которой умирают глупые наивные дурочки.

И эту конкретную красноволосую дурочку, которая понятия не имеет, какое гнусное задание он должен выполнить, нужно как-то спасти.

Сам подставил девчонку князю, сам и спасай.

Откупорив еще теплую, магически подогретую бутыль, он принялся, выцедил глоток. Пить из горлышка или из вены — две большие разницы, как говорят в Тринадцатом клане. Тут сначала в рот набрать, потом выпустить клыки и выжеживать, как из грязной вонючей лужи. Все-таки бычья кровь — гадость несусветная во всех отношениях. Но жить, точнее, не-жить надо. У него есть цель. Или теперь даже две.

* * *

А ночью, переписывая пропущенные из-за отсутствия амулета лекции, он снова услышал шум: кто-то лез в окно, ворча и поминая Хурга. Даори усмехнулся, бесшумно отомкнул дверь, оставив ключ в замке, погасил светильник, обернулся летучей мышью и привычно забрался в вентиляционный короб, откуда наблюдал сквозь решетку за гостьей.

Миранда вошла, создав алый огонек, огляделась, разочарованно вздохнула.

— Даори, ты здесь?

— Здесь, — глухо отозвался он, постаравшись создать магическое эхо, чтобы девушка не определила его нору.

— Можно я тут переночую?

— Горгульи?

— И грифон.

— Ночуй. Спасибо за ужин.

За нападение он принципиально не извинился: предупреждали нахалку, нечего было провоцировать.

— Да не за что, — она заперла дверь изнутри, прошла к ложу — новенькому, пахнувшему стружкой, застеленному чистым бельем. Села. — Даори, я договорилась с дедом, чтобы... ну... не знаю, как у вас в Белой империи, но у нас тут, бывает, войнушки случаются с соседями. Сейчас вот с орками. Каждый клан обязан выделить отряд. И у нас в клане пленники появились. А они такие... разные... некоторые совсем... плохие.

— Я понял, — невыносимо было слушать ее спотыкающуюся от смущения речь. — Твой дед предлагает мне роль палача?

— Да.

— Согласен, — равнодушно сказал он, даже не поблагодарив. За такую работу не

говорят спасибо.

— Я передам.

Пауза. Не из страха. Вампир чувствовал, что Миранда совсем его не боится. Скорее, собирается с мыслями.

— Ты можешь мне показаться? — попросила она.

— Закрой глаза.

Она закрыла, и он бесшумно выполз, перелетел на спинку стула, повис вниз головой.

— Можешь открыть, — скомандовал он и с удовольствием понаблюдал за гримаской разочарования. — Не нравлюсь?

Миранда потрясла головой, рассыпая по плечам багрово-алые перья волос.

— Не-а. Я не с Мышонком хочу говорить.

— А придется, — упорствовал Даори — О чем?

Демоница неожиданно протянула руку и, хихикнув, пощекотала мышке брюшко.

— Прекрати! Терпеть не могу щекотку! — сорвался он со стула и перелетел на ближайший насест — спинку ложа.

Зря! Взметнулся костер крыльев, сложился шалашом, а загребущие ручонки демоницы сцапали маленькое мышиное тельце.

— Ой, не могу, ты такой невыносимо хорошенький! — всхлипнула, хохоча, эта темная, невоспитанная, обнаглевшая девица и чмокнула разъяренного мыша в ушко. Его, вампира! Он раззявил маленькую, усеянную острыми зубками пасть и зашипел. Ничуть не испугалась, толстокожая. — А как ты забавно злишься, моя мохнатенькая прелесть!

И разошедшаяся шалунья, нагло отобравшая у него единственное пристанище, выжившая с единственной кровати, лишившая жизненно необходимого амулета, эта проходимка и авантюристка исхитрилась поцеловать взъерошенного зверька в нос! Его, вампира!

Как ни крепился Даори, но тут не выдержал и щелкнул зубами на нахалку. И клык случайно поцарапал ее губу. Выступила капелька крови. Одурающе сильный запах шибанул по ожившим ноздрям Неупокоенного. Оглушил. Изменил его тело в мгновение ока.

Не успевшая даже пискнуть девушка оказалась вжата в постель тяжелым мужским телом, а его губы накрыли и смяли ее рот. Одной ладонью он перехватил ее руки в запястьях, — а вампиру не нужна боевая ипостась, он и так сильная тварь, — а второй ухватил за затылок, вплетя пальцы в густую шевелюру, не давая жертве уклониться от обжигающего поцелуя и его шального языка.

Такого взрыва Даори не испытывал даже при жизни. Его сердце, запущенное бычьей кровью, гулко колотилось в грудь, а разбуженная кровь, казалось, вскипала. И ожившие легкие впитывали в себя воздух, наполненный горячим девичьим ароматом.

Если бы он не перекусил накануне, то князь получил бы в клан новенькую вампиршу, и ему уже нечем было б шантажировать Лику. Впрочем, чем больше проходило времени, тем меньше Даори верил в причину повеления соблазнить красноволосую Ликину подружку. Нет, тут не столько тайна заклинания, сколько месть Зан-о-Мыра за убитую Вечерним князем вампиршу Эллину. Взять у него взамен любимую внучку — это в духе Предвечного.

Отпустив наконец задыхающуюся, совсем не сопротивляющуюся, а вовсе даже наоборот, крепко обнимавшую его девушку, он слизнул капельку крови с ее губы, прошелся языком по ее шее, слегка прикусил возделенную, лихорадочно пульсирующую жилку, показывая, что жертва полностью в его власти.

— Вкусная, — шепнул он в покрасневшее ушко. — Очень вкусная девочка. Придется съесть.

И вернулся к ее распухшим губам, целуя на этот раз нежно, почти невесомо, посасывая то верхнюю, то нижнюю, обиженную им губку, залечивая.

— Ты пил мою кровь! — упрекнула Миранда, жадно запуская пальцы в его шелковые, золотистые локоны и вглядываясь в сияющие голубые глаза. — А у тебя глаза светятся.

— Не пил, а только принюхался, — возразил Даори, скользя губами по ее виску и ушку, которое слегка прикусил. — М-м... Ты невероятна. А ты знаешь, что единственное отражение, которое может видеть вампир, — это отражение в глазах жертвы?

— Теперь знаю. Ты меня обратил?

— Нет. Обращение происходит не так. А потом, зачем нам тут два трупа? Хватит одного моего.

Он отстранился, глядя ее в мерцавшие вишни глаз. С блаженной улыбкой втянул в себя ее запах.

— Безумно вкусная, — заявил совершенно серьезно и... превратившись в летучую мышь, упорхнул подальше от соблазна, под самый потолок. Это, конечно, не спасение вампира от крылатой демоницы, но в узкую трубу вентиляции она точно не пролезет.

— Даори! — подскочила она, не успев поймать беглеца. — Вернись!

— Нет, Миранда. Я не железный, лучше полюбуюсь тобой издалека. Или твой жених останется без невесты.

— Ты меня обратишь?

— Размечталась! Нет. Просто соблазню и брошу, предварительно осушив.

Испугается она, как же. Тут кто кого соблазняет, хмыкнул Даори, гордым мышиным взором оглядывая будущую жертву, принявшую самую, с ее точки зрения, соблазнительную позу. Красотка, ничего не скажешь.

— Опять пустые угрозы, — вздохнула жаждущая соблазниться. — Когда уже до дела дойдет?

— Ты хочешь стать вампиршей? — обвинительным тоном инквизитора спросил Неупокоенный. — Хочешь условно вечной жизни? И такой же вечной жажды, иссушающей разум? Обратись к кому-нибудь другому. Я не буду тебя обращать. Зачем мне рабыня, которая вечно будет за мной ползать на коленях и умолять ее поиметь?

Миранда вспыхнула. Вскочила, одернула помятое платье. Белой молнией мышь метнулась к ней, пролетев над самой головой. Девушка от неожиданности плюхнулась на постель, а мышь, уцепившись за потолочную балку, продолжила как ни в чем не бывало:

— Я не договорил, Миранда.

— Подожди! — вскинула она раскрытую ладонь. Вишневые глаза смотрели необыкновенно серьезно. — Я не хочу становиться вампиршей. Мне уже предлагали.

— Кто?! — рыкнул Неупокоенный.

— Ее уже нет. Такое роскошное предложение не понравилось моему деду. Но я хочу знать, нравится ли тебе быть вампиром?

— Мне? — Даори на миг пожалел, что мышинная пасть не способна демонически хохотать. — Да я просто в восторге! Скажи, какому разумному существу, какому светлому магу обладающему памятью о полноте жизни, о сиянии Света, понравится быть заледеневшим трупом и оживать только в момент поглощения чужой горячей крови?

— Вампиру? — вопросительно приподняла она бровь.

Мышь фыркнула.

— Только не тому, кто был белым магом. Сейчас я ненавижу себя, Миранда. Я ненавижу тех, кто дал мне эту не-жизнь.

Она обхватила себя руками, словно внезапно замерзла. Подняла на него влажные глаза.

— Даори, я не понимаю мимику мышей, не чувствую, правду ты говоришь или притворяешься. Я хочу видеть твое лицо. Мне это важно. Обещаю не приставать.

Он хмыкнул, перелетел на стул и, опускаясь, развернул свое полноценное тело. Рукава у рубашки почему-то опять задралась. Неужели он, вопреки изменившейся сущности, еще растет, как нормальное живое тело, и одежда ему стала мала? Не может быть! Вампиры не растут, у них навсегда остается то тело, в котором они убиты и обращены.

И опять ему показалось, что Миранда всматривается в его лицо с какой-то жадной тоской. Заметив, что он перехватил ее взгляд, девушка прикрыла глаза, а через миг взглянула уже спокойно, с легкой вежливой улыбкой, словно между ними ничего не произошло. А действительно, что особенного случилось? Подумаешь, поцелуй. Она и с Таем целуется ночи напролет. Вампир подавил вспышку ярости. С чего бы ревновать? Пищу не ревнуют! И точка.

— А ты хотел бы снова стать таким, как прежде, Даори?

— Что ты имеешь в виду?

— Живым. Настоящим. Не вампиром. Не торопись, — предостерегающе вскинула она ладонь, уловив его изумление. — Подумай. Ты лишишься даже условного бессмертия. Твоя неживая плоть не сможет восстанавливаться почти от любой раны, кроме отсечения головы. Тебя же сейчас невозможно ранить, только серебром, так?

— Так.

— А будет снова возможно. Снова забьется живое сердце, умеющее любить. Ты станешь уязвим. У тебя не будет вампирской гипнотической власти над живыми существами с теплой кровью. Ты разучишься завораживать девушек одним взглядом. Не сможешь приманивать и опутывать жертв так, что они лишаются воли и разума.

Он не выдержал, усмехнулся, сложив руки на груди:

— Я тебя заморозил? Лишил воли и разума?

Миранда судорожно вздохнула, отвела взгляд от его губ, взъерошила копну своих волос, рассыпая алые перья по плечам.

— Почти. Я сама не своя в последнее время. Только о тебе и думаю. Мне не хватает наших разговоров по ночам. Твоего голоса. Послушай, только не перебивай, пожалуйста, мне и без того трудно. Так вот... До встречи с тобой я люто ненавидела вампиров. Моя любимая учительница, почти вторая мать, гениальная лингвистка Эллина Вивер... — тут вампир вздрогнул, но девушка не заметила. — Она стала Неупокоенной по доброй воле, ради знаний. Ведь всем известно, что Тринадцатый клан хранит лучшую коллекцию древнейших рукописей эпохи Единения и даже старше.

Даори нервно рассмеялся:

— Сказки, Миранда! Очередной миф, чтобы создать ореол древнейшей расы и притянуть к себе любопытных, жаждущих знаний мотыльков, таких, как я или Эллина. Пару ветхих листочков они выдают за коллекцию. А главные сокровища, стопку заплесневелых гримуаров, не в состоянии прочесть даже Великий князь, старейший из Неупокоенных. Утрачены знания о языке, на котором они написаны.

— Это все неважно. Важно, что она напала на меня, и дед ее уничтожил. Как ты

понимаешь, приязни к вашей расе это не прибавило. Я хочу, чтобы ты понял: у меня были личные причины ненавидеть Неупокоенных. Встретив тебя, я перенесла всю ненависть и презрение на твою персону.

— Я помню, — дернулся уголок его губ.

— Не перебивай! Но эти чувства я испытывала недолго. Ты мне снился постоянно! Живым, ярким, а не таким тусклым задохликом, каким я тебя встретила. Хотя даже такой ты эффектен. Но я знала, по своим снам знала, каким ты был при жизни. И уже в ту ночь, когда ты говорил со мной на дереве, уже после того, как я увидела твою летучую ипостась и догадалась, что именно ты, вампир Даори Энриати, разыграл меня... уже тогда ненависть растаяла, как не было. Ты поделился со мной кровом и не тронул даже пальцем, дав нормально выспаться. Ты сказал мне самые нужные слова. Ты назвался другом... И в результате я хотела, но не могла тебя ненавидеть. Не могла! Почему?

Он промолчал, легкая улыбка коснулась губ. Она сама уже себе ответила почему. Но девочке надо выплеснуть наболевшее. Перед кем же еще? Пусть говорит.

— Ты же знаешь, как все демоны относятся к твоему клану. Как к поганой падали, — хлестнула она его словом. Он дернулся, но снова промолчал и уже не улыбался. — А я вдруг не смогла ни ненавидеть, ни презирать тебя. Мало того, я... Я! Почти княжна, любимая внучка Вечернего князя, стала искать встречи с тобой. Я хотела очаровать тебя. Мертвеца! Понравиться тебе. Я, высшая демоница, мечтала о поцелуе с тобой! С ходячим трупом! — она уже всерьез ужасалась сама себе. — И ты хочешь сказать, что не применил ко мне своей Хурговой вампирской магии?! Не присушил, не заставил влюбиться, бездна тебя подери?!

— Нет.

Даори медленно поднялся, не спуская с девчонки мрачного взгляда. Она так же медленно встала, подалась ему навстречу. Ее вишневые глаза лихорадочно блестели, а кулаки сжимались, словно она мечтала вlepить ему пару веских пощечин. Вампир демонстративно оглядел Миранду с ног до головы и обратно, задержал взгляд на прикушенной губе. Дернул плечом и направился к двери.

Полыхнули алые крылья — демоница рванулась за ним, но Даори выметнул руку, выстраивая невидимый барьер, на который она с размаху налетела, и, не оглядываясь, ушел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

— Сволочь! Мерзавец! Чтоб ты сдох, мертвец! — донеслось совершенно нелогичное, следовательно, не имеющее силы проклятие, а дверь сотряслась от удара, но не открылась. Не так-то просто сломать заклинание, срастившее деревянное полотно с косяком, — немного, что осталось из его арсенала умершего, но все еще светлого мага.

Ничего, Миранда — девушка сильная, не чета утонченным белым магиям, выберется. Когда-нибудь.

А вот ему нужно искать и обустраивать новое логово. Тут демоница его доконает.

И срочно придумывать оправдание перед Зан-о-Мьиром, почему Даори провалил такое элементарное для вампира дело, как соблазнение девицы. Может быть, намекнуть, что обострять отношения с кланом Вечерних теней из-за любимой внучки их князя — не совсем верный политический шаг?

Нет, осознал наконец молодой вампир, если на кону стоит заклинание такой важности, как вызов духа никогда не жившей во плоти сущности, то Зан-о-Мьира ничто не остановит.

Трудно даже представить, какие возможности откроет это заклинание в умелых руках, если его модифицировать. Почти любая фантазия может быть воплощена. Все, что

угодно, — исполнено.

Дух железа уведет рудные жилы из любой земли туда, куда ему будет приказано. Дух вражды уничтожит войско врага еще в казармах, сотрет города руками их жителей. Дух тоски лишит воли к сопротивлению.

Дух смерти убьет все, о чем может быть помыслено.

Абсолютное, невидимое, неотвратимое оружие.

Дух духов... Приказывающий ему — Бог.

Даори ужаснулся.

Дух разума... Возможно ли?

Конечно, лучше бы поговорить с Ликой, владевшей тайной заклинания, и присмотреть за ней, чтобы не добрался князь Неупокоенных. Но принц Тьмы слов на ветер не бросает. Эту девушку окружают и охраняют такие силы, что, дернись Даори Энриати в ее сторону, и мокрого места не останется. Да и от всего клана Неупокоенных. Неслучайно Великий князь даже намека не сделал о какой-либо личной угрозе Лике, даже мысли не допустил. Предпочел искать обходные пути. Умен и осторожен, как... древний вампир.

Значит, надо искать третий вариант.

Надо все обдумать. Тут нельзя ошибиться. Потому что для Зан-о-Мьира он, обращенный лен-маг, — меньше чем никто, его легко можно заменить на другого, менее щепетильного вампира, а этого Даори уже не мог допустить.

«И ведь я сам все это допустил. Сам!» — едва не застонал бывший светлый.

Что стоило ему в тот день сначала подумать, а потом... промолчать, не ставя в известность Великого князя Зан-о-Мьира о заклинании, использованном Ликой?

Нет, Даори обрадовался, что может продать уникальную информацию за драгоценный эликсир, продляющий жизнь его матери. Много-много капель эликсира. Но разве он сам, Даори Энриати, не слышал ее слова, сказанные во время проблеска ее угасающего сознания: «Не мучь меня, Даори, любимый мой мальчик. Не заставляй возненавидеть тебя за мою дряхлую боль. Дай мне уйти. Дай умереть и вновь соединиться с моим любимым мужем там, в Пресветлых небесах».

Вспомнив, он пошатнулся, оперся рукой о первую попавшуюся стену.

«Нет, мама. Нет. Не отпущу. Потерпи. Даже если ты меня возненавидишь, даже если проклянешь. Терпи».

— Сама все испортила, дура, — в который уже раз вздохнула Миранда, утрамбовывая учебники в рюкзачок. — Что на меня нашло? Зачем я его обидела?

И поплакаться некому. Даже Лике, единственной близкой душе, рассказать невозможно! Никто во всем Тархареше — да что там, вообще во всем мире! — не сможет посочувствовать девушке, переживающей из-за ссоры с презренным вампиром.

И никому не объяснить, какой Даори необыкновенный, совсем непохожий на кровососа! Он — светлый маг, случайно умерший и обращенный, и точка. Правда, это ненамного легче. Мало кто из демонов может понять чувства темной девушки, влюбившейся в светлого. Но ведь в таких романтических чувствах Миранда не первая и не последняя. А уж об эпохе Единения и вспоминать нечего, там все расы сосуществовали мирно, и для влюбленных не существовало расовых различий. Кроме вампиров, конечно. Их всегда ненавидели и опасались.

Несмываемый позор — признаться не только в дружбе, даже в симпатии к мертвецу. Узнает дед — вымарает имя Миранды из родовых книг. А еще кто-нибудь узнает — заплюют, затравят, проходу не дадут. Влюбиться в вампира — все равно что в кусок гнилого замороженного мяса, скажут ей.

Неправда. И влюбилась демоница — а самой себе бессмысленно врать, влюбилась она с первого взгляда — вовсе не в вампира, к ним Миранда по-прежнему чувствовала брезгливость, а в светлого мага, златокудрого ангела из контрабандных девичьих романов Белой империи. В свои сны.

Миранда смахнула слезинку и застегнула рюкзачок.

— Ты идешь? — заглянула к ней Лика. — Давай быстрее, опять опаздываем!

Вот с подругой тоже что-то происходит, но и она не торопится рассказывать. Демоницы. Темные души.

Да, он не живой, продолжала размышлять Миранда на любимую тему, сидя на лекции и старательно выводя ровные строчки в тетради. Но и не совсем мертвый. У Даори есть душа. Чище и возвышеннее, чем у многих ее знакомых демонов.

И целуется он вовсе не как холодный труп. Так жарко, до головокружения, до сладкой боли в сердце и... не только... ее никто не целовал. Демон Тай, brutальный и накачанный друг ее детства, со своими слюнявыми поцелуйчиками и в подметки вампиру не годится. Надоел этот ее так называемый «жених», хуже раосовой похлебки! Разорвет она с ним помолвку, как только помирится с Даори. Решено. И пусть дед злится, Миранда переживет как-нибудь.

И руки у вампира не ледяные вовсе. Прохладные, да, но не противно, наоборот, приятно. А какие ласковые! Проведет ладонью, словно шелком коснется. Миранда погладила свою щеку ладонью и улыбнулась воспоминаниям.

И тут же погрустнела. Даори не показывался ей на глаза уже больше месяца.

Даже его следов не могла она обнаружить в тайной комнатке. Не приходил и не прилетал он к их дереву, сколько ни сидела на ветках Миранда, изображая отмороженную сову. В коридорах учебного корпуса он не мелькал. И его белая летучая мышь также где-то затаилась.

А может быть, с ним что-то случилось?

Но бутылки с кровью, которые она оставляла в подвале, исправно исчезали. Миранда могла бы подумать, что их выбрасывали дежурные или уборщики, которые все-таки наведывались иногда в заброшенные помещения за какой-то надобностью, но раз в неделю появлялась батарея пустых сосудов. Только это и говорило девушке, что Даори Энриати где-то в Академии. Вот только где?

* * *

Через месяц после первого поцелуя с вампиром Миранда подошла к куратору старшего курса, на котором учился Даори, поинтересовалась, где их Неупокоенный адепт. Тем более дед сообщил ей, что должна состояться казнь пленного орка, искалечившего двух демонят.

— А тебе какое дело до этого смердящего трупа? — презрительно прищурился куратор.

— Никакого, — Миранда с трудом удержалась от того, чтобы не сообщить, что этот демон смердит куда сильнее вампира. От Даори никогда не воняло тухлой рыбой. — У моего деда Тьора Вечернего к нему дело.

— Какое?

— Князь передо мной не отчитывается.

Дед потом передал весточку Миранде. Мол, приходил к нему один Неупокоенный блондин, выглядел он совсем неважно, сделал дело и ушел, не поклонившись и не поблагодарив за ужин. Вполне в духе Даори, которого бесила роль палача.

Чем больше дней проходило со времени их первого поцелуя, тем сильнее мрачнела Миранда, а на встревоженные расспросы подружки Лики отвечала, что опять поссорилась с Таем. С ним Миранда действительно то и дело грызлась, но от взяток в виде тортиков, которые он притаскивал в башню, не было сил отказаться, и она снова мирилась с настойчивым парнем.

И наконец, уже глубокой осенью, когда вся ее душа извелась, Миранда обнаружила, что бутыл с бычьей кровью осталась стоять в подвале нетронутой.

На следующий день стояли уже две бутылки.

Выбросив их, Миранда поставила третью и решила подойти после лекций к принцу Тьмы, благо в стенах Академии он казался не таким заносчивым, как на официальных мероприятиях. Она рассудила, что Тринадцатый клан — такие же подданные Темного Трона и принц должен относиться к ним без традиционной демонической брезгливости. Кроме того, Дьяр, как истинный владыка, не болтлив и о ее позорном интересе к вампиру никому не расскажет, хотя запомнит обязательно и использует при случае.

На следующий день после занятий принц уже собирался по привычке улизнуть из аудитории тенью, но остановился, когда его окликнула Миранда:

— Помогите мне, ваше высочество. Мне нужно кое-кого найти.

— То есть тебе нужна официальная, а не дружеская помощь?

— И та и другая.

— Подожди минутку, я отнесу списки опоздавших куратору и вернусь.

Не слишком ли тщательно он относится к обязанностям старшего группы? — думала Миранда, усевшись на парту и болтая ногой в изящной туфельке, красиво выглядивавшей из-под ученической мантии, жаль, Даори не оценит. Она стрельнула глазами на потолочные своды — не видно ли где острых ушек летучей мыши, но разглядела только сигнальных паучков.

Дьяр вернулся действительно быстро. Блеклый солнечный луч, падавший из окна,

померк, сгустилось облачко тьмы, и из него вышел синеглазый принц и взмахом крыла развеял туманный сгусток. И тут же, окинув внимательным взглядом замершую сигнализацию, легким пассом установил «полог безмолвия», судя по воцарившейся вдруг, давящей на перепонки тишине.

— Рассказывай, Миранда, — кивнул он, усаживаясь рядом на парту.

— Мне нужно срочно встретиться с Неупокоенным адептом Даори Энриати, но я не могу его найти.

— Вот как? — ни единый мускул не дрогнул на лице принца. Глаза смотрели так же мягко и внимательно, словно каждый день влюбленные демоницы разыскивают сбежавших от них вампиров. — Расскажешь?

Вот это он такой проницательный или на понт берет? — прикусила губу Миранда.

— Я... Мне только нужно передать ему нечто важное для него. И бутылки с бычьей кровью он не забирает уже третий день. Может быть, с ним что-то случилось, а никому до него дела нет.

— А может, он просто в спячку впал? С Неупокоенными это изредка случается. Тебе известно, где он свил себе гнездо?

— Нет. В старом убежище он давно не появлялся, а нового я не знаю.

— Подожди меня тут, я узнаю, когда последний раз Даори посещал занятия.

Он закутался в крылья и исчез, и на этот раз не появлялся долго. Миранда от нечего делать даже домашку начала выполнять, благо учебники у нее были с собой.

А когда Дьяр появился, он выглядел уже не таким благодушным. Крылья мрака искрились злыми молниями. Видно, только что кого-то громил в пух и прах.

— Хург знает что тут, в Академии, происходит! — выругался он. — Два месяца адепт на занятиях не появляется, его с радостью отчисляют без выяснения причин, и никому даже не интересно, где шляется прогульщик... Не переживай, Миранда, найдем мы этого Даори. Он меня уже заинтриговал. Слишком тяжело дается вампирам поступление в нашу Академию, чтобы вот так просто вылететь из-за прогулов.

— Но кто-то же забирал бутылки и возвращал их пустыми.

— Тогда еще интереснее! Не переживай, «тени» — везде. Найдем пропажу, куда бы ни спрятался, — азартно блеснули синие глаза наследника. — Так что передать ему? Ты говорила, что-то важное?

— Да. Для него.

— А для Темного Трона? — проницательно сощурился принц.

Миранда неуверенно посмотрела на притаившихся за «пологом безмолвия» паучков.

— Нет. Неважно. Глупости всякие.

Наследник проследил за ее взглядом, усмехнулся и протянул ладонь:

— Идем, здесь развелось слишком много насекомых.

Миранду накрыло крылом Тьмы, она почувствовала, как ее мягко подхватывают и куда-то опускают огромные мягкие ладони.

А когда Тьма схлынула, девушка обнаружила себя в Малом тронном зале. Она узнала искрящийся черный гранит стен, острые шипастые орнаменты, в которых наверняка были замаскированы бойницы. Именно тут Миранда, едва достигнув совершеннолетия, приносила присягу владыке Сатарфу и приобщалась из его рук силы Тьмы, как единственная, хотя и официально непризнанная наследница младшей ветви князя Вечернего.

Дьяр провел ее к креслам, выстроенным в ряд у стены, и приказал явившемуся из тени слуге организовать «что-нибудь попить и перекусить», а едва он скрылся, повернулся к девушке.

— Ты же понимаешь, что помощь Темного Трона никогда не бывает бескорыстной, иначе какие же мы, к Хургу, демоны. Я уже отдал распоряжение, и мои «тени» ищут твоего вампира. Но моя цена — информация, Миранда. Все, что касается Тринадцатого клана — далеко не глупости. Даже если это сушая ерунда.

— Я не буду шпионить для вас, — быстро сказала Миранда, поняв, к чему клонит его высочество.

— Даже во благо Трона?

— И во вред Даори и нашей дружбе? Нет. У вас есть свои соглядатаи, это их дело, а я не профессионал.

— Дружба демоницы с вампиром — это более чем странно. Это как мотыльку дружить с пауком.

— Вы сейчас говорите низкие слова, ваше высочество. Не ожидала от вас, — вздернула она носик и окатила собеседника презрением. — И мотылек из меня тот еще... хищный, прошу заметить.

— О да, — засмеялся синеглазый. — Я говорю, как это выглядит для всех демонов. Миранда, не будем ссориться. Я не могу допустить, чтобы Тринадцатый клан заполучил еще одну вампиршу в твоем лице. Пусть кормятся и размножаются за счет других рас, но не наших подданных.

— Они тоже — ваши подданные, так что сумма не изменится, — возразила демоница. — И что вы сделаете? Арестуете меня? Посадите под замок?

— Нет, я надеюсь на твое благоразумие. Тебе нужно, чтобы спасли твоего друга?

— Спасли? — девушка скептически скривила губы. — Вряд ли ему что-то угрожает. Просто он... спрятался. Может, и правда в спячку впал.

— Да так, что его отчислили?

— Он появлялся у деда. И, говорят, плохо выглядел и на удивление заносчиво себя вел.

И Миранда передала принцу записку, которую все время таскала с собой, как единственное письменное упоминание о светлом вампире в ее жизни.

— Камир, — прочитав записку, посмотрел куда-то в сторону принц. — Слетай к князю Вечернему, передай приглашение на аудиенцию.

Если кто-то и исчез из помещения, Миранда не заметила. На ее взгляд, в зале никого и не было, кроме нее и принца.

— Продолжим, — сказал Дьяр. — Итак, выглядел Даори неважно, молчал. И, похоже, сил у него не прибавилось даже после такой трапезы. То есть истощение уже за гранью. А не держат ли его в плену? Выпустить к Вечерним теням его могли, наложив заклинание молчания. Выпустили потому, что вампир, отказавшийся от живой крови разумного существа, — это настолько подозрительно, что даже Тьор впал бы в недоумение. А характер у твоего деда таков, что не любит он это состояние, пошел бы сразу выяснять. Ладно, скоро все узнаем. А скажи мне, Миранда... Кстати, где наш перекус? — раздраженно щелкнул он

пальцами.

Видимо, только этого вопроса и ждали, потому что мгновенно двое слуг внесли столик, еще двое поставили кувшин, два бокала, тарелки с бутербродами и ретировались.

— Не пнешь — не полетят, — печально вздохнул Дьяр, самолично разливая по бокалам вишневый сок. — Совсем разленились, пока владыка... в отъезде. Так на чем мы остановились? Ах да, на том, что же такое важное ты хотела передать вампиру. Настолько, что не постеснялась отправиться к куратору, зная, что наши девушки лучше удавятся, чем проявят такой извращенный интерес к кровососам.

Миранда вспыхнула. Поймала изучающий взгляд принца. Поняла, что он ее просто-напросто провоцирует, и улыбнулась, поднося бокал с соком ко рту. Шокировать, так до конца.

— Я искала Даори просто потому, что соскучилась и хотела помириться. Это было еще месяц назад.

— Когда ты интересовалась, Вултон уже давно отчислил прогульщика, и куратор прекрасно об этом знал... — и вдруг он повернул голову к дверям, хотя никаких посторонних звуков Миранда не слышала. — Войди!

Створки распахнулись, быстрым шагом вошел эффектный серебристый демон, поздоровался с девушкой кивком. Янге, вспомнила Миранда. Он часто появлялся у Тьора Вечернего. Кажется, они дружили.

— На территории Академии объекта нет, мой принц, — доложил он. — Оба его логова заброшены. Но наш синекожий друг подключил свои источники, и, думаю, информация будет к вечеру. Что-нибудь еще?

— Да, Янге, — Дьяр покрутил в руках бокал, полюбовался бликами в вишневой жидкости. — Нужно найти того, кто забирал бутылки с бычьей кровью. Вряд ли это Даори.

— Кто-то старался, чтобы Миранда ничего не заподозрила? — предположил серебряный.

— Если бы просто отводили глаза, то отводили бы до конца. Нет, кто-то попользовался дарами и вынужден был уйти три дня назад.

— Эсмус?

— Проверь, тут ли он еще. Я давненько его не видел. Куда вероятнее, что в Академии жил третий вампир, неучтенный. Найдите. Зацепимся и предъявим претензии Тринадцатому клану. И пусть Сэйван допросит еще раз куратора. Меня интересует, кому он передал приглашение для Даори на ужин к Вечернему князю и почему утаил от нас этот факт. Попахивает взяткой. Действуй.

Янге поклонился и исчез, шагнув в тень.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Миранда, взиравшая на принца, открывшегося с совершенно незнакомой ей стороны, поставила на столик бокал с недопитым соком — рука предательски дрожала. Почему, почему она раньше не обратилась к Дьяру? Он — будущий правитель. Его обучали решать самые разные проблемы, и обучали хорошо. Она боялась позора? Того, что в нее плюнут и разотрут? Почему ее предрассудки и страх за репутацию оказались выше страха за Даори? Неужели она лишь придумала себе преступную любовь и упивалась ее запретностью? А что на самом деле? Самовлюбленная дура, думающая только о себе?

Только бы не оказалось слишком поздно.

Ей стало безумно страшно за этого казненного демонами светлого мага, ставшего

самым тошнотворным для всех — и для светлых, и для темных — существом. За друга, которого едва успела узнать, за... любимого, да. Которого она полюбила тогда, когда потеряла.

Если он в опасности, то нужно, чтобы Темный Трон призвал всю мощь, но спас одного подданного. Вот только от кого? Не от его ли кланников?

Принц пришел к тем же выводам.

— Тринадцатый клан никогда не позволял вмешиваться в его внутренние дела, — сказал он. — На этом невмешательстве зиждется наш договор. Так как Даори поспешно, без следствия, отчислен, мы не можем выступать за его интересы как адепта Академии, и мне нужны самые веские причины, чтобы требовать у князя Неупокоенных предъявить Темному Трону его кланника. Мне нужны аргументы, чтобы убедить, что их внутренние дела уже стали внешними.

— Может быть, можно обвинить его в покушении на мою жизнь или... честь? — девушка потрогала нижнюю губу, на которой давно заросла ранка от клыка вампира.

Дьяр отпил сок, спрятав за бокалом улыбку.

— Он действительно покушался? Видишь ли, в таких случаях князь не отдает нам преступников и сам вершит суд. Обезглавят и покажут голову.

Миранда содрогнулась. И предпочла забыть, как сама раздражила вампира только для того, чтобы проверить, сработает ли родовая магия. Сработала. Теперь пусть ей вернут вампира.

— Нет, конечно, не покушался, попробовал бы! — она демонстративно выпустила длиннющие когти, поцокала ими по столешнице.

— Есть один, самый крайний способ заставить их выдать подозреваемого кланника для следствия, — Дьяр задумчиво и в такт побарабанил когтями по другому краю стола. — Когда преступление, или замысел, или утаиваемые сведения угрожают самим основам союза Тринадцати. Самому Трону. Тогда с разрешения отца я могу воспользоваться Тринадцатой Тенью Трона. Но, чтобы приказать ей, мне нужна особо веская причина. Нужны хотя бы подозрения. Даже не представляю, в чем именно я могу обвинить Даори Энриати.

С ума сойти, вздохнула Миранда. Теперь, чтобы спасти любимого, ей нужно сделать его государственным преступником!

— Есть одна идея, ваше высочество. Даже не знаю, с чего начать и как сформулировать.

— Начни с того, что важного ты хотела сообщить своему другу, — подался к ней принц, внимательно глядя в глаза поверх бокала с соком, так напоминавшего цветом кровь.

Даже выбор напитков у него неслучаен, подумала девушка. И — да, она не ошиблась в подозрениях, Дьяру известен ее последний разговор с Даори, либо его часть. Видимо, она так орала, что «серые тени» слышали и понаблюдали. А о чем она тогда говорила с вампиром, если исключить претензии в обольщении? А она тогда спрашивала, хочет ли он вернуть настоящую жизнь и упоминала об Эллине Вивер.

И, возможно, за ее светлым вампиром уже следили, и Миранду слышал кто-то еще, если Даори сразу после того вечера исчез.

— Я искала моего друга, — подчеркнула она голосом последнее слово, — чтобы рассказать о моей учительнице, добровольно ушедшей к Неупокоенным.

— Об Эллине Вивер? — с легкостью вспомнил Дьяр, откидываясь на спинку кресла. И хитро так улыбнулся. Мол, я знаю, что ты знаешь, что я знаю.

— Да. Она была гениальным лингвистом и что-то нашла там, в Тринадцатом клане.

Какой-то ключ к древней легенде Неупокоенных. Когда она вернулась, чтобы обратить меня, то сказала, что вампир — это этап, ненужный этап, — девушка запнулась, вспомнив, что и Даори что-то говорил о ненужном этапе в каких-то его поисках. Встряхнула головой. — Эллина думала, что знает, как стать снова по-настоящему живой.

— Вампиру? Интересно. А подробности она упоминала?

— Нужно пройти через жизнь и смерть, не-жизнь и не-смерть, и тогда возможно возвращение в истинную нормальную жизнь. Как-то так. Это все, что она успела сказать. Потом ворвался дед и обезглавил ее.

Дьяр залпом допил сок, поставил бокал на столик.

— Тьор Вечерний знал о ее изысканиях?

— Нет. Я была слишком напугана, чтобы рассказывать. Мне же тогда было лет пятнадцать. А потом слова Эллины стали казаться бредом сумасшедшей. Она действительно свихнулась, еще до обращения.

— Жаль, что ты столько лет молчала, Миранда. Спасибо, что рассказала сейчас. Это очень важно, хотя и совсем непонятно. Нужно узнать, где Эллина Вивер хранила записи.

Миранда коснулась лба.

— Она всегда хранила их в голове. Была помешана на том, что за ней следят.

— Тогда нужен кто-то, кто мог бы найти нам эту легенду Тринадцатого клана и восстановил ключ к ней, — и принц широко улыбнулся. — Подозреваю, нам нужен Даори Энриати. Да, это та самая причина, по которой я могу воззвать к Тринадцатой опоре Трона. И боюсь, это самая что ни на есть реальная причина. Дело в том, что ты не знаешь еще одной детали. У нас тоже имеются соглядатаи в клане Неупокоенных.

— Даже не сомневалась, — внезапно успокоилась демоница. Настолько, что утащила бутерброд с тарелки. Интересно, чем тут принцев кормят?

— Они настолько неупокоенные, что постоянно угрожают равновесию Трона, — пожаловался принц, поднял кувшин и галантно наполнил ее бокал, не забыв и про свой. — Ты хоть что-нибудь знаешь о своем друге? Мне вот странно, что он подружился именно с тобой.

— А с кем еще? Нас всего три девушки в Академии, и я единственная, кого не охраняют, а дают нормально жить.

Если не считать Тая, конечно.

— Посуди сама. Даори был учеником Эллины в клане, — сказал принц. Миранда поперхнулась, и Дьяр тут же протянул ей бокал с соком. Предусмотрительный какой. — Именно по ее настоянию новообращенного, продержав всего год скамеечкой для ног так называемого Великого князя, отправили четыре года назад поступать в Академию. И все, что он тут делал, — возился в библиотеке и архивах днем и ночью. На это смотрели сквозь пальцы. Ему незачем учиться, он уже прекрасно обучен в Белой империи. Там с этим строго: нужно обладать огромной магической силой и знаниями, чтобы держать и хранить целый лен, а Даори был единственным наследником светлого хранителя, его готовили. Потом там что-то случилось...

Он замолчал, отдав должное «перекусу», опустошил две тарелки с мясными деликатесами и весь кувшин. Миранда вся извелась от нетерпения.

— И что же случилось? — не выдержала она, когда этот... демон взялся за третью тарелку.

— Пожар невиданной силы. Его отец умер внезапно, не успев перекинуть связи на сына.

Его обгоревшая в огне мать выжила, но сошла с ума. Сокровища рода исчезли бесследно. Как могло такое случиться, наши соглядатаи не смогли выяснить, так как следователи Белого ковена тоже зашли в тупик. А наследник Даори Энриати, вместо того чтобы расследовать причины пожара, брать власть над леном, восстанавливать имение, отказывается от земли, продает остатки добра и везет умирающую мать в столицу. Конечно, излечить ее невозможно, и лучшие из лекарей предлагают милосердно усыпить, и Даори, видимо, соглашается, потому что после этого о Лолии Энриати ничего не слышно. Видишь, мы знаем очень много, но недостаточно.

— А как он попал к нам?

— Разорившись, он записался добровольцем в имперскую разведку, его чутки поднатаскали, изменили внешность, придумали легенду и послали к нам, даже протолкнули в какой-то колледж темных наук, после которого ему был прямой путь в Академию, а там и карьера при нашем дворе. Но Даори, с его-то умом и мастерством, как-то слишком быстро засветился во всех смыслах. Якобы сорвался во время ритуального жертвоприношения. И мы, собрав досье на белого мага, казнили его, как шпиона. Теперь он полноценный подданный Темного Трона.

Миранда, слушавшая развесив уши, поежилась. Принц качнул головой, словно спорил с ее невысказанными мыслями:

— Не жалею его. Готов поспорить, Даори специально нарвался, зная, какая участь его ждет. Слишком целенаправленны его действия после пожара. У меня жуткое впечатление сложилось, когда читал его досье. Я лично присутствовал на казни, слишком неординарный преступник. И, знаешь... мне показалось, он сам себя казнил.

— Как это? — охнула девушка. — Сам себя выпил?

— Нет, я имею в виду — сам себя приговорил и сделал все для исполнения приговора нашими руками. Это же светлые. Кто знает, какие солнечные зайчики пляшут у них в головах? Мы что-то упускаем в этой истории. Мои осведомители чего-то не видят. Вернемся к нашей насущной задаче, Миранда.

— Хорошо. То есть все плохо. А как знание Эллины может угрожать равновесию Трона?

— А ты подумай, сколько вампиров захотят вернуться к нормальной жизни, какая у них была до обращения?

— Все?

— Ни одного. Или один. Твой Даори, светлый лен-маг, почти князь. Потому что он потерял больше, чем нашел у Неупокоенных. Кроме него, никто не захочет променять могущество, бессмертие, пусть даже условное, и неуязвимость на маленькую, тусклую, как светлячок в ночи, и такую же жалкую жизнь. Пусть даже это жизнь высшего демона.

Демоница растерялась:

— Тогда чем опасно это знание? Почему его зашифровали?

— Миранда, ты же умная девушка, если сумела поступить в нашу Академию несмотря ни на что.

— Да, я умная, а вы еще умнее, вы же принц Тьмы, что я тут буду пыжиться перед таким... — чуть не сказала «светочем». — Так почему?

Дьяр, посмеиваясь, сцапал бутерброд и неэстетично набил рот. Прожевал, демонстративно давясь, запил соком. Ну, совсем ребенок, умилилась демоница. Вот бы их с Ликой поженить, какая была бы пара! Один другого воспитывал бы, не соскучишься.

Миранда выдержала паузу и была вознаграждена объяснением.

— Да потому, Миранда, что низших демонов мы удерживаем от соблазна стать вампирами, внедряя презрение и ненависть к Неупокоенным, как к еще более низшим существам.

— Вы? Внедряете? — от возмущения демоница задохнулась.

— Не я лично, а тайный отдел внутренних дел. Мы не можем пустить на самотек такие важные процессы, или в мгновение ока лишимся страны. Так вот, Миранда, высшие демоны и сами долго живут, могущества нам хватает, неуязвимость у нашей второй ипостаси тоже высокая. Пока перевешивают недостатки обращения — разрыв связей с родным кланом, с магией Тьмы, разрыв с живым миром, рабство у вышестоящих в иерархии, асексуальность в период голода и гиперсексуальность исключительно в момент насыщения. Но если демона убедить, — а поверь, вампиры убеждать умеют, — что обращенный всегда может «соскочить», переобратиться, снова стать живым, снова любить по желанию, а не только накачавшись чужой дымящейся крови, — вот тогда в Тархареше не останется ни одного демона.

— Весь Темный Трон станет Тринадцатым кланом? — потрясенно прошептала Миранда.

— Трону, собственно, без разницы, — снова огорошил Дьяр. — Что демонами управлять, что вампирами — не имеет большого значения. Проблема в том, что миллионное войско вампиров кто-то должен кормить, а соседи вряд ли захотят стать безропотным стадом для Неупокоенных. Страны объединятся и сотрут Тархареш вместе с его кровососущим населением и Темным Троном. И тогда Трону и его владыке будет уже поздно беспокоиться. Беспокоиться нужно сейчас.

Как-то оно слишком глобально, задумалась Миранда.

— Вы преувеличиваете, мой принц. Вот я не хочу становиться Неупокоенной, даже зная, что есть реальная возможность вернуться.

— Только потому, что быть ходячим трупом пока еще не модно. А сделать что-либо модным — минутный вопрос. Ты уже влюбилась в вампира, а скоро и пойдешь за ним.

«Не в вампира, — вздохнув, подумала девушка, — а в мечту о светлом маге. Живом, а не мертвом. И эта мечта из несбыточной уже почти стала реальной. Нужно только ей помочь».

— Нет, — тряхнула головой Миранда. — Я, высшая демоница, не пойду. Это он пойдет за мной. Если мы его найдем, конечно. Он вернется или... в общем, деваться ему будет некуда. Он же назначен государственным преступником, надо же вам как-то его наказать. А его даже казнить нельзя, потому что по нашим законам дважды не казнят.

— Почему же? Новая жизнь — новая казнь.

Вот... демон!

— Вы же шутите, ваше высочество? — осторожно уточнила Миранда.

— Разумеется, — приподнялись в улыбке уголки губ принца Тьмы.

Есть мгла, прозрачная и целительная, в которой зачинается любое разумное существо. Есть тьма, мягкая и обволакивающая, в которой оно зреет, прежде чем появиться на свет в родовых схватках. А есть мрак, плотный и душный, не оставляющий надежды выжить.

Даори висел в таком мраке уже долго, очень долго. Он уже сбился со счета. Да и как возможен счет там, где ничего не меняется? Для него.

Нельзя было верить Эсмусу.

Но Даори ждал посланника с амулетом «антизагар» от князя. Он слишком жаждал и слишком обрадовался, когда Эсмус разыскал его и сказал:

— К тебе пришли. Идем.

Даори должен был насторожиться: почему посланник нашел старшекурсника и не сумел сам найти того, к кому отправлен? Но мало ли, на территорию Академии не смог пробраться, а бывший лен-маг не покидал норы в подземелье под библиотекой. Но, когда прилетел нетопырь, выбрался.

Пока шли по переходам, Эсмус не проронил ни слова. Лишь когда Даори вышел на площадку лестницы, ведущей и наверх, и вниз, на следующий ярус архивного подземелья, однокланник показал рукой вниз:

— Туда.

И ударил в спину чем-то массивным и острым, ломающим позвоночник. Топором, мелькнула догадка. Ударил со знанием вампирских особенностей строения крыльев, чтобы не дать их выпустить. Еще бы Эсмусу их не знать.

Уже падая, Даори успел выстроить щит — кокон, укрывший его с ног до головы, словно скорлупа. Поздно, слишком поздно. Из темноты нижнего яруса выстрелила ловчая сеть, спеленала добычу поверх защитного кокона.

Потом еще удар. Ощущение, что тело распалось на две половины, и звезды в глазах, выпившие зрение.

— Вот ведь сволота! — хрипло прошипел из темноты искаженный, но вполне знакомый голос Тая, жениха Миранды. — Чем он себя окружил, вампир? Как снять этот щит?

— Понятия не имею. Этот ублюдок был белым магом. Давай оплату, как договаривались, и я сваливаю.

— Э-э, нет. Поможешь дотащить.

Даори почувствовал, как его поволокли. Он даже чувствовал боль — глухую, далекую. Условно живое тело и болело условно.

Сердце не пробито — это главное. Но ходить он теперь вряд ли сможет с перебитым позвоночником. Как же глупо.

— Утром я вынесу его на солнце, и поминай как звали, — говорил Тай. — На нем точно нет этого вашего амулета?

— Точно.

Эсмус — предатель и болтун. Похоже, сверхсекретная защита «антизагар» уже ни для кого не тайна. Но за что такая ненависть? Ведь Великий князь узнает. Почувствует. Существование Даори связано с его силой.

Даори попытался воззвать к сотворившему его вампирскую сущность. Тщетно.

Защитный «пузырь» оказался непроницаем для любой магии.

Он нашел это заклинание год назад, когда добрался в академической библиотеке до настоящих сокровищ — манускриптов эпохи Шарх, написанных белыми магами. Разумеется, демоны не могли использовать чуждую им магию. Но мертвый лен-маг смог. Странное дело: его тело мертво, а магия жива. Еле-еле, но теплится, родная.

Он уже не понимал, куда и зачем его тащат, то и дело впадая в забытие.

Потом немаленький кокон с телом внутри втокнули в камеру — в условно живые ноздри вампира ударил запах сырости, затхлости и крысиного помета.

А потом Даори потерял сознание, потому что не помнил, когда убийцы оставили его, подвесив сеть на крюк.

Когда он очнулся, то уже потерял ориентацию во времени и пространстве. Его окружил плотный мрак.

Но внутри кокона сияла невидимым светом целительная мгла. Уж что-что, а заклинания, исцеляющие сломанную кость и порванные ткани, лен-маг помнил. А о его истинной силе никто не догадывался, даже Великий князь.

И все-таки жаль, что невозможно позвать Старшего в единственный миг, когда он оказался по-настоящему нужен.

Даори провалился в небытие и снова очнулся от скрежета металла и голосов.

— Проверь его, Эсмус, — потребовал Тай.

С ума сойти, демон приказывает вампиру, как слуге.

В бок врезалась чья-то нога. Кокон погасил удар, но выпущенные от злости клыки Даори лязгнули.

— Не сдох еще, ублюдок! — выругался Эсмус.

— Хватай его и неси, еду надо отрабатывать.

— Разве это еда? — проскрипел вампир. — Вчерашняя бычья кровь. Блевотина.

— У тебя и этого не было с тех пор, как на тебя ковен контролирующий ошейник навесил. С чего ты решил, что тебе кто-то позволит охотиться в столице?

— Я же не на демона охотился.

— На его собственность, так что разницы мало. Хватай и понесли.

Даори почувствовал рывок, и боль в разрубленном позвоночнике неожиданно вспыхнула огнем. Он застонал.

— Заткнись, дерьмо! — прошипел демон. — Я тебя за мою Миранду голыми руками порву. Думал, не выслежу, куда эта шлюха ночами таскается? Ничего, выйдет за меня — на цепь посажу.

«Ну-ну, сумей, — вяло подумал Даори. — Попробуй заковать вулкан. Попу порвешь».

Его вытащили на улицу. Едва брезжил рассвет, небо на востоке становилось жемчужным. Хургова бездна, Даори даже летучей мышью не мог перекинуться — кокон стал ловушкой. Да и сможет ли он перекинуться с перебитым позвоночником?

И хоть бы один дежурный магистр по пути попался! Нет, либо все дрыхли, либо с системой комендантского надзора и оповещения в Академии что-то не то. Впрочем, Даори еще со времени первых прогулок с Мирандой под луной заподозрил сбой магических амулетов. Удивительно, что за это время никто из магистров и ухом не повел.

Убийцы бросили его на пустыре позади корпусов, где когда-то, тысячу лет назад, в эпоху Единения, размещались оранжереи. Сейчас между ржавыми столбами и сломанными колоннами валялся строительный мусор, мебельная рухлядь и прочий хлам, служивший

мишенями для отработки заклинаний. Его подкатали к обломкам колонны, прикрыли с боков щебнем, но оставили достаточно открытого солнечным лучам тела. Если и придет сюда группа попрактиковаться, от Даори уже мокрого места не останется.

Время шло, солнце поднималось, ничего не происходило.

Сплотившиеся на почве ненависти к блондинам вампир и демон сидели неподалеку на обломках колонны и нервничали.

— Ты говорил, у него нет амулета.

— Нет, я точно знаю. Он у меня, — засмеялся Эсмус и подкинул на ладони горошину. — Перехватил я передачку, давно уже. Посланник слишком торопился. Может, сеть снять?

Тай поднялся, распутал пленника, поворачивая кокон пинками. И уселся ждать, когда ненавистного вампира испепелит солнце.

Становилось все жарче. Эсмус заполз в тень и дрожащей рукой активировал второй амулет.

Поверхность защитного кокона Даори пузырилась, но не таяла. Тело внутри, застывшее в позе зародыша, — тем более. Бывший светлый маг — впрочем, почему бывший? — убедившись, что древнее заклинание и тут не подкачает, задремал, нежась под ласковыми лучами солнца, уже более пяти лет не касавшихся его кожи. Конечно, они и сейчас не касались — внутри кокона лучи превращались в безобидное жемчужное марево, но ведь можно представить, что лежишь, как в прошлой жизни, на пляже под полупрозрачным тентом. Если бы еще не тянущая боль в разрубленном теле...

— Не сможет он долго держать защиту, — убежденно сказал Эсмус. — Топор посеребренный, рану он зарастить не сумеет, силы уйдут быстро.

— Не может, а держит, — отозвался Тай. — Не хочу рисковать, потащили обратно, пока никто не засек. Скоро сюда четвертый курс придет практиковаться, я расписание смотрел.

Переломанное тело пленника снова обмотали магической сетью, доставили в камеру, подвесили и заперли.

Даори выжидал, прислушиваясь и принохиваясь. Действительно ушли. Лишь тогда слегка ослабил защиту и попытался позвать князя. Тщетно. Нужно полностью кокон снимать, а это опасно. Сможет ли снова поставить? Хватит ли сил?

И еще его беспокоила ловчая сеть — он не знал ее свойств, не видел, какие заклинания вплетены и как ее разрушить. Если она пропитана ядом или заклинаниями удушения, его защищает только кокон.

Так и висел Даори во мраке, растрачивая неприкосновенный резерв, медленно очищая от серебра и затягивая рану в спине. И размышляя.

После того, как ему удастся связаться с Зан-о-Мьиром, Эсмус долго не просуществует. Это тупое животное из непонятной зависти помешало планам князя. Даже тот факт, что однокланник утаил переданный ему амулет... если только...

Если только он не принял его, накинув облик Даори. Только этим можно объяснить, что посланник передал драгоценную вещь в чужие руки, а князь принял отчет и не заподозрил подвох. Наоборот, удивился, когда Даори сказал, что не получал амулета.

Но неужели Эсмус так продвинулся в магии, что посланник его не разоблачил? Придется предположить, что да, продвинулся.

Второе, что понял Даори, когда целительная мгла кокона, в отсутствие внешней угрозы перейдя от внешней защиты к внутренней, принялась залечивать доверенное ей тело, — ему нельзя снимать защиту, пока он полностью не восстановится.

И третье — ему нельзя призывать помощь, даже когда сможет снять кокон. Потому что ему нечего сказать князю о его задании. Потому что Зан-о-Мьир не подвержен гневу и его рассудок всегда холоден. А значит, он проведет расследование и вместо немедленной казни обнаглевшего Эсмуса, презревшего законы Тринадцатого клана, использует его способность подмены и подошлет к Миранде. Если подмену не заметил посланник, то демоница тем более не поймет, и... тут изощренные мозги светлого вампира отказывали, он не хотел даже думать о дальнейшем. Этого не произойдет ни при каких обстоятельствах.

А значит, нужно срочно придумать, как сделать Миранду бесполезной для коварных замыслов Зан-о-Мьира.

Существует только два способа. Или дать Великому то, что он хочет. Заклинание Духа, провались оно пропадом. Или доказать, что глаза Даори, а через них и глаза князя, увидели не то, что произошло на самом деле, когда Лика Тария призвала неведомого духа.

Даори ухмыльнулся. Да. Это может получиться.

И в тишине, изредка прерываемой назойливыми тюремщиками, Даори занялся плетением заклинания. Ведь часть он разобрал по губам девушки. Конечно, это была домашняя заготовка, шаргалка, и где-то Лика ее прятала — вплела ли в косу нитку, или завязала особым образом волос, неважно. Для умного мага достаточно данных, чтобы оттолкнуться от образца и сделать свое. А уж умному и начитанному... да на древних языках... И почти невозможно будет доказать без очной ставки, что это не то самое заклинание, которое создала девушка. А до Лики князь вряд ли доберется. Принц Тьмы не позволит.

Побыстрее бы срастить обожженные серебром мертвые ткани спины. Без еды это

трудно, неоткуда брать строительный материал, но не невозможно. Был быжив — можно брать из самого себя, сейчас сложнее. Сейчас изношенные ткани обновляются только во время поглощения чужой крови и жизни. Но у Даори есть его магия. Он может и без еды протянуть довольно долго. Дольше, чем способен продержаться обычный или даже высший вампир.

Как говорила ему эта удивительная, нежная, красноволосая демоница? Нужно пройти через жизнь и смерть, не-жизнь и не-смерть, и тогда возможно возвращение в истинную нормальную жизнь, как-то так.

Через жизнь и смерть он прошел. Через не-жизнь — тоже. А сейчас, сутками лишенный всех внешних раздражителей, плавающий в коконе, разве не проходит он стадию «не-смерть»?

Даори погружался так глубоко в себя как никогда, ни при жизни, ни после жизни. Он добирался до самых дальних уголков памяти, рылся в воспоминаниях о прочитанных когда-то книгах и справочниках, вытаскивал незамеченные ранее крупницы знаний из бесед и обмолвок учителей. Иначе откуда ему стало известно, как позвать Свет, исчезнувший, когда он стал вампиром, после первого глотка чужой крови из вены?

* * *

Его периодически проверяли — и Тай, и Эсмус — то вместе, то поодиночке. Ждали, когда падет его защита, чтобы добить.

Приходилось на время их визитов возвращаться в реальность, преобразовать кокон — тут прогнать, словно он стал мягким, там потертость изобразить или истонченность оболочки. Лишь бы не заподозрили, что им и до лета не дожидаться, лишь бы в эти злобные головы не пришли какие-нибудь неожиданные идеи.

В один из визитов Эсмус, ткнув в кокон посеребренным набалдашником трости, сообщил:

— Ты меня слышишь, белый? Да какой ты уже белый. Ты — грязный имперец. Думаешь, я не догадываюсь, что ты и после обращения работаешь на своих? Посмертный герой, ха-ха! Никому не известный. Тебя отчислили, кстати. Никто так и не стал искать тебя, никому ты не нужен. Теперь снова я — надежда клана, и место на кафедре в клановой высшей школе, которое все прочили тебе, будет мое, недоучка.

Не добившись реакции от безмолвного кокона, он ушел.

«Пресветлые боги, — подумал Даори. — И вот это все — четырехлетняя зависть и ненависть, перебитый позвоночник и заточение — не из-за сокровищ, не из-за древних знаний, не из-за девушки даже! Это — месть ничтожнейшего, подлейшего существа из-за какой-то будущей вонючей кафедры в вонючем вампирском клоповнике!»

Даори чувствовал себя испачканным этим ничтожеством до глубины души. Скажи мне, кто твой враг... Клоп, Пресветлые боги. Крохотный клоп! Ну и до кучи — еще Великий князь Зан-о-Мьир.

На Тая Даори и вовсе не обращал внимания. Что умного может сказать ему тупой демон с факультета превращений? Но тот сумел его однажды удивить.

— Что-то ты долго недохнешь, тварь, — рогатый палач ткнул его кулачищем. — Месяц уже висишь и недохнешь. Может, ты уже высох, как мумия? Кстати, насчет мумии, сегодня у Эсмуса праздник. Он по приглашению Миранды идет на ужин к Вечернему князю. Снова возьмет то, что предназначено тебе. Здорово, да? Это я научил твоего однокланника брать на время твою смазливую морду. Не превращаться — для этого он слишком мертв, — а быть

твоей маской. И знаешь зачем? Молчишь, труп? Эй, ты!

Тай молотил кулаками кокон несколько минут, пытаясь вырвать хотя бы стон. Это были неприятные, но вполне терпимые минуты. Вроде морской качки. Даори сцепил зубы и не издал ни звука. Боли он не чувствовал. А унижительная болтанка... у Зан-о-Мьира бывало и похуже. Зато бывший лен-маг мог себя поздравить: его умозаклучения оказались верными. Итак, его враги поставили на подмену.

Демон оставил кокон в покое. Он не устал, ему надоело. Его переполняло хвастовство, и хотелось выговориться:

— Откуда тебе знать, падаль. Но я скажу, восхитись моим умом. Я хочу, чтобы Эсмус полностью заменил тебя. У него уже сейчас твой амулет и твоя морда. А будет... что там еще он говорил? Твоя кафедра, твои привилегии и твое золото, которое ты хранишь у вашего князя. Твой однокланник проболтался, что пять лет назад ты привез в Тархареш и спрятал у берега корабль золота, подводами с берега возили.

Если бы мог, Даори расхохотался. Корабль золота! Что демон понимает в грузоподъемности морских судов? Да тот корабль утонул бы, едва отчалив от причала. Нет, золото пришлось превратить в бриллианты, почитаемые у светлых; в селенисы и сапфиры, почитаемые у лунных дев; в рубины, столь любимые у демонов. И, конечно, в драгоценные артефакты, почитаемые везде. Вот их уже можно было тайком провезти на корабле. И знал об этом очень узкий круг лиц. Живых и мертвых. Однако в ближайшем окружении Великого князя завелась крыса.

— Ты заранее договорился с Зан-о-Мьиром, так ведь? — продолжал Тай. — Захотел вечного существования и получил. Я решил, что это несправедливо. Ты должен исчезнуть бесследно, вампир. Совсем. Эсмусу достанется все, что ты считал своим. По земле под твоим именем и красивой мордой будет ходить и вонять такая вот гниль. Он будет уничтожать даже малейшую добрую память о тебе, если она у кого-то еще осталась. Это тебе за чужую девушку. Мою невесту. А мне хватит половины твоего золота и блестящей защиты диплома по превращениям. А теперь давай подыхай, я уже заждался!

Еще раз отведя душу на безучастном коконе и помолотив его кулаками, демон взвыл от невозможности добраться до пленника и ушел.

А на следующий день, решив доконать пленника морально, явился сытый и довольный Эсмус и даже притащил с собой факел, чтобы Даори, если еще способен видеть, мог убедиться своими глазами в его искусстве подмены.

И пленник едва себя не выдал. Сквозь дымку защитного кокона он разглядел... самого себя. Голубые глаза, брови вразлет, золотистые, слегка выющиеся волосы, горделивая осанка. Даже одежду Эсмус где-то приобрел в точности такую, как у пленника: светло-серые штаны, белую рубашку с щегольским жабо и кружевными манжетами на жемчужных запонках; белый, вышитый лунным серебром жилет. Даже вышивка похожа.

Вот только прическа у подделки выглядела неопрятно, а у настоящего Даори она всегда идеально уложена заклиниванием. И характерный для бывшего лен-мага взгляд свысока, которым он взирал даже на Великого князя, это прыщавое ничтожество не смогло скопировать и смотрел злобным псом, исподлобья.

— Ты неудачник, Даори, — начал тюремщик морально давить. — Ты при жизни был неудачником, и уж после — сплошное невезение. И с бабой у тебя пролет. Миранда все время проводит с Таем. Почему ты ее не трахнул, дурак? Теперь ее трахает гнусный демон. А ведь какая девочка. Конфетка! И, знаешь, прежде чем ты сдохнешь, я попробую ее кровь. Я

узнал, она каждый день таскает к твоему старому убежищу бутылки с бычьей кровью. Их забирает Тай и приносит мне. Но к Хургу Тая. Сегодня я уже опоздал, да и сыт под завязку. Но завтра я перехвачу эту сладкую девочку. Я ее поимею и выпью, Даори. И она будет перед смертью проклинать тебя, и все будут думать, что это сделал ты!

Пресветлые боги знают, скольких сил стоило сдержаться. Понятно же: провокация. Не настолько Эсмус дурак, чтобы сорвать дипломную работу Тая. Не настолько гаденьш голоден, чтобы Жажда помутила разум. Вон — стоит, надутый живой кровью под завязку, с языка капает.

Но если дорвавшегося вампира повело от сытости после долгого воздержания, могло в голову ударить хуже хмеля. И тогда Эсмусу захочется если не выпить, то взять Миранду. В отместку. Ведь ему так понравилось брать то, что принадлежит Даори. Или будет принадлежать.

Пресветлые боги, неужели бывший белый маг уже считает красноволосую демоницу своей? Чужую невесту? Невесту подлого демона, не погнушавшегося даже сгнившим изнутри вампиром Эсмусом? Невесту темного адепта, мечтающего заковать крылатый костер, согревший даже вампира?

Да. Это его, Даори, демоница. Его личный кошмар.

«Моя», — подумал лен-маг. Мысленно покатав на языке это слово, словно прозрачный морской камушек, подобранный на берегу на счастье. Моя.

Это так странно. Необыкновенно. И так... цельно. Словно последние кусочки его истерзанной души и сломанного тела с щелчком воссоединились и слились воедино.

Даори больше не слышал возбужденного бормотания Эсмуса, избирательно отключил звук голоса, реагируя только на шумы. Такие, как скрежет засова с той стороны железной двери.

Ушел наконец.

Пленник многому научился за — сколько сказал демон? месяц? — нескончаемый, растянутый до вечности месяц. Это оказалось невысказанно долго. Лен-маг, а теперь уже не имеет смысла говорить о нем «бывший», успел сделать столько, сколько не сделал и за пять лет вампирской жизни. У него впервые оказалось достаточно времени. Разумеется, не будь предыдущей подготовки и в светлой магии, и в темной, Даори мало бы что сумел. Разве что главное — не сойти с ума в своей одиночке.

Ему бы еще месяц работы в абсолютной тишине и покое, в экранирующем все магические возмущения и искажения коконе, в полной сенсорной недостаточности, которая для мага его уровня была не пыткой, а благом. Но тянуть больше нельзя.

Он готов.

Защитный кокон раскрылся лепестками лотоса, разрывая намотанную вокруг него сеть. Если и были на ней заклинания, то они иссякли. Если и были веревки пропитаны ядом, они сгорели в полыхнувшем огне. Даори беззвучно прыгнул на пол. Земляной, утрамбованный, скользкий от подземной влаги. И сразу вонзил отросшие когти в плотный грунт, разрыхлил, погрузил ладони в наполненную Тьмой почву.

Какое счастье! Он уже забыл, как это бывает.

Он снова чувствовал связь со своей стихией. Тут она была иная, измененная, не такая, как в чистых полях Белой империи. Но в ней не было зла. Зло всегда в разуме.

Маг проглотил недостающие его телу элементы, провел одной ладонью по влажной каменной стене. Не брезгуя, намочил сухие потрескавшиеся губы. Выпрямился,

прислушиваясь к восстановленному, почти новому телу. Распустил жемчужные крылья, озарившие его тюрьму пока еще слабым светом. Зан-о-Мьир будет удивлен, когда поймет, что произошло с его Младшим.

Даори переметнулся в белую мышь, полетал по камере, вернулся в родное тело и тихо рассмеялся. Ему удалось невозможное. Он жил. Он чувствовал. Сохранив все впечатанные в память тела атрибуты вампира — игольчатые клыки, отрастающие когти, вторую ипостась, он избавился от Жажды. Это он точно знал. И, возможно, от Зова. А если так, то Великий князь над ним не властен.

Лен-маг восстановил себя из небытия, из крохотной искры, оставшейся от прежнего существа. Потому что Свет непобедим.

Особенно если у мага есть цель.

Но у него есть еще дело. Прежде, чем призывать помощь князя, он должен поэкспериментировать с подменным заклинанием.

Еще какое-то время он посвятил обкатке заклинания и остался удовлетворен. Дольше нельзя тянуть — он потерял чувство времени, и в мире за железной дверью, может быть, уже прошли сутки, и Эсмус, укравший лицо Даори, подкарауливает ничего не подозревающую красноволосую девушку.

Он сел на пол, сосредоточился, придал телу чувство голода и изможденности, впустил в душу чувство страха и отчаянья — Зан-о-Мьир обязательно услышит отголоски — и только тогда мысленно произнес формулу на древнем:

«Взываю к тебе, мой князь!»

Если бы Даори знал, скольких светлых магов выпил и обратил Предвечный, он не был бы так самонадеян. Хотя догадка мелькнула, что за сотни лет не-жизни Зан-о-Мьир чего только не повидал. Но эту мысль затмила эйфория от обретенной целостности и свободы.

Зан-о-Мьир откликнулся быстро, обнадежил, что посланник уже в пути и посоветовал ждать. Но у Даори сил не было ждать, когда тот проникнет в Академию, отыщет это опостылевшее подземелье в перепутанных корнях древнего здания.

Он выбил ржавую дверь заклинанием, а вот дальше очень долго плутал. Даори заподозрил, что его тюрьма находилась уже за пределами территории Академии — магические паучки-наблюдатели здесь отсутствовали как класс. В подземельях и начинающихся ниже, в скальной породе, катакомбах можно было спрятать не только вампира — полчище драконов, и никто бы их не заметил.

Ноги подкашивались — отвыкли от движения. Споткнувшись, Даори растянулся. И сдался, превратившись в белую летучую мышь.

Это и спасло. Мышь вспорхнула с каменного пола за миг до того, как на него набросилось чье-то утробно рычащее поджарое тело.

Даори ошибался — кое-какая охрана наличествовала. Если это охрана, а не дикие животные, поселившиеся в запутанных лабиринтах, куда даже низший демон не полезет охотиться. Выяснить, что за тварь напала, не было ни сил, ни желания.

Маг метнулся за поворот и летел под низкими сводами катакомб, уходя от погони, полностью доверившись мышиному чутью.

Безошибочный инстинкт вывел его на берег реки. Он нашел убежище в корнях дерева и долго лежал комочком грязи, не в силах пошевелиться. Болело тело. Его живое тело. Мертвое не болит. Мышцы атрофировались, и казалось чудом, как он сумел выбраться. Особенно если учесть, какие твари бродят внизу.

Но надо было возвращаться. Найти Миранду. Помириться. Поблагодарить. Вот только он немного отдохнет. Совсем чуть-чуть. До полудня еще далеко, он успеет.

Очнулся Даори от тяжелого немигающего взгляда.

Сам Великий князь стоял над ним, недовольно шурясь: солнце перевалило далеко за полдень и било ему в глаза.

— Я приш-шел на твой зов, Даори, — прошипел Зан-о-Мьир, почти не разжимая узких губ. — И что я вижу? Вместо того, чтобы ждать меня в месте заточения, дабы я убедился своими глазами в преступлении против моего Младшего, ты дрыхнешь на свежем воздухе. Мало того, не торопишься приветствовать своего князя! Или ты забыл, как я выгляжу?

Забыть сложно. Глава клана Неупокоенных, один из древнейших вампиров мира, об изошренном уме, силе и кровожадности которого складывались легенды, издавна выглядел как невысокий и тощий подросток с непропорционально крупной головой и длинными руками и ногами. Паук — прозвище, которое сразу приходило в голову, но ни один кланник не называл его так даже в мыслях. Услышит. И накажет.

Он был чудовищно некрасив. На узком и остром, как лезвие, лице выделялся огромный горбатый нос, под которым совершенно терялся впалый рот с бледной полоской губ. Пергаментная пятнистая кожа туго, без единой морщинки, обтягивала череп — крупный, лобастый, надвигающийся на щелки по-волчьи рыжих глаз. И все это уродство обрамляли густые, похожие на завитый парик, ржавого цвета кудри.

— Мой князь, я твой вечный слуга, — произнес Даори формулу приветствия.

Волчьи глаза князя опасно засветились оранжевым огоньком.

Даори проследил за направлением взгляда и заметил одну потрясающую вещь: солнце добралось до убежища, и его мышинные лапы, вцепившиеся в старый сухой корень, оказались на ярком свету. И при этом юный вампир не развеялся горсткой пепла, что совершенно очевидно. А ведь никакого амулета при нем не было, и защитного кокона тоже.

Князь осклабился.

— Не понимаю мышиноного писка. Прими надлежащий вид!

— Прости, если мой вид прогневил тебя, но у меня нет амулета, а мышинная ипостась не так подвержена пагубному воздействию солнца. Для моего истинного тела слишком светло даже в этой яме.

Ноздри Зан-о-Мьира гневно раздулись, но он сдержался, активировал и бросил Младшему горошину амулета. Она упала неподалеку, но так, что не достать, не отлепившись от сучка.

— Бери и возвращайся в свое тело, — приказал Старший. — Я исцелю твои раны, клянусь, поставлю на место даже мозги.

Звучало угрожающе. Князь попросту выманивал Даори. Не царское это дело — лезть в яму под вывороченное с корнями дерево и пачкать землей почти вечное тело.

И опять лен-маг оказался в ловушке. Выполнить приказ — выдать себя с головой. Ослушаться — бросить вызов смерти. А собственно, разве в первый раз?

— Я слишком давно не возвращался, Предвечный, — вздохнул Даори. — С момента ранения, когда перекинулся, чтобы выжить. Это тело оказалось ловушкой, я не могу вспомнить, как вернуться.

Зан-о-Мьир, присев на корточки, пробуравил его взглядом.

— Ты смеешь мне лгать?

Самое забавное, успел подумать Даори, что никакой лжи. Измененное тело вампира действительно оказалось ловушкой для светлого лен-мага. Его силой был Свет, но теперь солнце несло ему окончательную гибель.

— Я шел по твоим следам в подземелье, — добавил Зан-о-Мьир, поднимаясь с корточек и разминая длинные бледные пальцы. — Ты забыл, что я — твой создатель, Даори. Ты для меня всегда открыт и всегда будешь мне подвластен.

Бледные пальцы выстрелили десятью грязно-рыжими, как волчьи глаза, молниями.

Даори был готов. Он встретил удар щитом тьмы, поглотившим энергию заклинания, — не зря же он четыре года провел в Академии демонов. Выглядело это так, словно десять стрел вонзились в облако мрака. И тут же, не дожидаясь нового удара, Даори швырнул в противника щит вместе с пойманными молниями, обратив их в ослепительно сияющие мечи.

Лезвия света вонзились в тело князя, прошили насквозь, оставив прорехи, и откинули на десяток шагов. Увы, голова и сердце Древнего оказались не задеты. Он вскочил почти сразу, встряхнулся, мгновенно сращивая ткани мертвого тела. Медная дымка окутала его тело, и вот князь уже цел.

За эти доли мига Даори успел, скогтив амулет, вырваться из древесной ловушки и метнуться в густые заросли черного шиповника, ковром росшего вдоль берега вперемежку с древняком — не менее колючим висячим полукустарником, с густыми шипами длиной в ладонь. По таким зарослям способны передвигаться только демоны, да и те — исключительно в непрошибаемой боевой броне.

Он незаметно отполз. Колючие ветви послушно уклонялись с пути, запутываясь позади в сплошную стену. Отсюда его вся армия Неупокоенных не достанет. И огнем не выжечь — светлого лен-мага, хлебнувшего Тьмы под завязку, теперь и земля демонов укроет и спасет. А интересный эффект слияния противоположных магий получился, отметил бесстрастный ученый в Даори. Наверняка потому, что соединились они сначала в мертвом теле. Впрочем, об этом он потом подумает.

«Стой, Младший! — ворвался в его мозг приказ и парализовал. — Вернись!»

Он вонзил когти в землю, как якоря. Ни за что. То, что его ждет, — хуже мучительной смерти.

А все-таки Зов остался, вздохнул бывший вампир. Жаль. От этого дара он с радостью избавился бы.

«Я приказываю! — хлестнуло его. — Или я убью твою мать».

Она и так молит о смерти каждый миг! — хотел крикнуть Даори, но он сцепил зубы и осторожно отполз еще глубже в колючие заросли.

И тут его скрутило адской болью, вонзившейся в голову длинной раскаленной иглой.

Эту пытку он тоже помнил. Даори закрыл глаза, вспоминая сожженное до кости лицо и бугристый череп когда-то белокурой женщины, его матери. Гордой красавицы Лолии.

Воспоминание о ней и о ее любви к сыну всегда давало ему силы вытерпеть любые муки. Она же терпит.

От боли спасала другая боль. Он вспоминал, как хоронил отца, как торопился продать родовые владения за гроши алчным соседям, как отрекался от наследного лена, предав родившую и питавшую его землю, и валялся после отречения сломанной куклой, залечивая разодранную ауру. Он вытерпел все ради цели, и сейчас вытерпит.

И все потому, что Даори поклялся жизнью найти лекарство и вернуть матери разум и здоровье. Да что там, хотя бы остановить ее умирание.

Даже ректор Академии Света, архимаг Алиан Даркиэн, бессильно развел руками. И посоветовал отчаявшемуся сыну страшный, но единственный выход: искать рецепт «эликсира Неупокоенных», о котором ректор вычитал в каком-то древнем манускрипте, что с его помощью вампиры, эти мыслящие мертвецы, творили чудеса исцеления. А найти рецепт — это все равно что разгадать тайну вампирской не-жизни: какая сила, какое заклятие удерживает разум и душу в разрушенных смертью телах.

Тогда и появилась у светлого мага цель.

Князь Зан-о-Мьир с легкостью пошел на сделку с Даори и в итоге ограбил наивного светлого дурака, забрав за «лечение», а на деле — продление агонии умирающей, все оставшиеся сокровища рода Энриати, и в конце концов получил себе еще одного Младшего.

Даори все-таки расплатился жизнью за невыполненную клятву.

Боль, ввинтившаяся в мозг, отхлынула, и лен-маг снова мог двигаться. Он нащупал чью-то нору и нырнул.

«Ты меня плохо понял, мальчик, — настиг его голос Старшего. — Если попробуешь бежать, твоя мать станет вампиром. Самым уродливым из всех, кто когда-либо существовал. Самое то для ее прижизненной гордыни. Лолия Энриати станет хуже лунных тварей, ведь к ней так редко возвращается разум. Но она будет знать и помнить, что именно любимый сын обрек ее на вечную боль. Интересно будет понаблюдать за вашей встречей. Я сделаю ставку на Лолию».

Нора оказалась давно заброшенной — даже запах заселявшего ее существа выветрился, — длинной и такой извилистой, словно под землей метался полоумный заяц. Очень интересная нора. Даори заглушил всякую мысль, чтобы ничто не выдало его намерений. Он даже биение сердца постарался замедлить так, словно снова превратился в холодный труп.

«А ты успешно притворялся любящим сыном, Младший!» — с усмешкой произнес Зан-о-Мьир, одновременно предприняв очередную попытку ментального штурма. Даори явственно почудились ледяные щупальца, пробирающиеся под череп. Он отсекал их заклинанием и метнулся в боковую петлю норы.

«Похвальная попытка, но ты выдал себя, — рассмеялся князь и удвоил усилия. Теперь словно огромный камень катился на Даори, подминая его разум и волю. А Древний все болтал, показывая жертве, что он и половины сил еще не применил, а просто играет, как кошка с мышкой. — Итак, на самом деле ты с легкостью пожертвовал даже родной матерью ради своей шкуры. Что ж, не могу осуждать. У нас, Неупокоенных, нет сердца, и ты осознал этот факт наконец. Но, милый мой бессердечный мальчик, прими и тот факт, что ты принадлежишь мне, давшему тебе вечность. Я терпелив и милостив. Я даже прощу тебе покушение. В конце концов, я первый напал, а ты слегка переборщил при защите, бывает. Однако и мое терпение небесконечно. Я жду пять минут, не более. Возвращайся сейчас, и ты будешь прощен, сын мой. Если захочешь, я заставлю Эсмуса отдать тебе Миранду. Надеюсь, он с ней уже наигрался».

Тщеславный Зан-о-Мьир всегда любил покрасоваться и поболтать. Подвешивая жертв на дыбу или — если кровь оказывалась дурной, не годной к употреблению — посадив на кол, он часами наблюдал за их агонией и развлекал себя хвалебными монологами.

Привычка подвела князя.

Петля извилистой норы привела Даори почти под ноги врага. Лен-маг отлично чувствовал, в каком именно месте попирают землю мертвые стопы древнего вампира, обутые в кожаные сапоги. Враг стоял расслабленно, полностью сосредоточившись на ментальном штурме упрямого Младшего.

Даори выметнулся из-под земли, на лету обретая тело лен-мага и выпуская вампирские клыки и когти. На время забыв о силе Света, дабы не провоцировать демонических сил на их темной земле, он решил использовать физическую мощь, оставшуюся от тела вампира, и магию, отточенную в Академии Тьмы.

Но сшибить Древнего с ног не получилось: по всей видимости, тот стоял, распахнув крылья, и успел подняться вверх при малейшем толчке. Даори смог лишь вцепиться одной рукой в его ноги и полоснуть кинжальными когтями второй руки уж куда дотянулся — по паху и мышцам.

Зан-о-Мьир дико вскричал, протащил Даори по колючкам, по счастью, без всякого вреда для лен-мага, а вот крыло неудачно завалившегося князя оказалось разодранным, что не улучшило летные свойства. А Даори, сложив пальцы руки в стальной клюв, бил и бил в основание берцовой кости, расчлняя плоть вампира. Закончив с одной ногой, принялся за вторую.

Древний пытался воздействовать Зовом, но не преуспел — разум разъяренного лен-мага каким-то чудом просто не впускал его в себя.

Князь метал заклинания, разбивавшиеся о невидимый щит, сыпал молниями, увязавшими в мглистом облаке. Он упал на землю, покатился, пытаясь подмять вышедшего из подчинения Младшего. В тщедушном, теперь уже одноногим теле Зан-о-Мьира скрывалась невероятная физическая сила. Он рвал живую плоть Даори, почувствовал живую кровь, и Жажда удесятирила его мощь. Миг — и он добрался до горла, сжал в удушающем захвате, но тот, кого он уже перестал считать вампиром, вдруг превратился в летучую мышь и вывернулся, едва не сломав крылышки. И тут же вновь обрушился всем весом истинного тела, разорвав клыками шею Старшего.

— Как? — прохрипел Зан-о-Мьир. В волчьих глазах ненависть на миг сменилась изумлением. Он стряхнул Даори как мошку, попытался раздавить, разорвать. — Ты живой! Снова! И ты вампир? Как?

— Секрет! — оскалился Даори, заметив, что оборот в вампирскую мышиную ипостась избавил его тело от ран.

— Я оставляю жизнь тебе и твоей матери в обмен на твой секрет.

— Разумеется, оставишь! — мгновенное превращение в летучего зверька, перемещение, и на князя обрушился ближайший куст древняка, кромсая тело Древнего усыпанными шипами ветками, словно бесчисленными клыками. И еще один куст вдруг ожил под взглядом лен-мага и пополз к пойманной жертве.

Зан-о-Мьир истошно взвыл, как свинья под ножом. Даори отвернулся. Он знал, что убить вампира можно только одним способом: отделив голову от тела. И темные растения, движимые его волей, вполне справятся с этим несложным делом.

— Ты оказался слаб, князь, — произнес он эпитафию. — Ты слишком понадеялся на подчиняющий Зов.

Слабые хлопки раздались в стороне, шагах в двадцати, на пригорке, где начинался темный еловый лес.

— Bravo, мой мальчик! — из-за разлапистой ели вышел, лениво хлопая в ладоши, целый

и невредимый, вполне двуногий Зан-о-Мьир, затянутый в щегольской черный костюм и обутый в ботфорты. — Но уж прости, это не я оказался слаб, а ты — все еще глуп, доверчивый сопляк. Не дергайся, дорогой мой. Стой, где стоишь.

Он применил Зов. Настоящий Зов. В полную силу.

Разом страшная вялость окутала Даори.

— А ловко мы тебя провели, не правда ли, Младший? Спасибо, развлек. Но сколько я учил: не верь глазам своим, — кривился уродливый рот князя и смеялись рыжие волчьи глаза. — Для чего я даровал тебе безошибочное чутье и зрение вампира? Почему ты не пользовался моими дарами? Или ты сам себя их лишил, когда в тебе забрезжил тусклый светлячок, который ты принял за Свет?

По его щелчку из-за елей выскользнули вампиры. Десяток. Два. И все продолжали выходить, окружая обессиленного, связанного Зовом Младшего.

— Несчастный завистливый Эсмус! — усмехнулся Зан-о-Мьир, глядя на ком веток позади Даори. — Какой гениальный лицедей так бездарно погиб! Некоторые роли не стоит играть, — он перевел на Даори холодные глаза цвета ржавчины. — Запомни, я не стал бы Предвечным князем и главой клана, если бы не умел использовать и вашу слабость, и вашу силу и обращать их против вас же. Думаешь, это ты убил Эсмуса? Нет, это я позволил этому случиться. А ты еще жив потому, что я любопытен. Кто ты теперь? Нет, ты не вернулся к Свету, мальчик мой. Думаешь, за свою долгую не-жизнь я не видел таких вот бывших белых магов, якобы оживших и возвращенных? Десятки, Даори, десятки. И оживали, и возвращались под мое крыло еще более послушными. Гельмуд, подойди-ка, покажись нашему бунтарю.

Один из вампиров выступил из плотного кольца Неупокоенных, раскрыл светло-серые крылья, в которых при достаточном воображении можно было угадать бывшие белые. Поднял подбородок и оголил шею, демонстрируя четыре струпа — следы двойного обращения. А потом поднял руки и направил поток грязного света на ком веток, из которого торчали желтые кости скелета. Древняк послушно раздвинул шипастые плети, кости осыпались горкой, а череп покатился по склону берега и плюхнулся в черную воду. Гельмуд опустил руки, и ветки рассыпались трухой.

— Видишь, Даори, не только ты искал путь назад и оказался в тупике, — усмехнулся князь. — Любой обращенный светлый маг почему-то считает себя фениксом. Глупо. Несколько недель в защитном коконе... кстати, любопытное заклинание, молодец, мне пригодится... так вот, этого мало, чтобы обрести настоящую жизнь. Но все-таки ты сумел измениться. Так кем ты стал? Вампиром, свободным от Жажды, но зависимым от Зова? Или ты уже не вампир, а просто мой смертный раб? Кстати, что там с моим заданием? Говори!

— Выполнил, мой господин, — смиренно произнесли губы Даори.

— Как ты умудряешься лгать под Зовом, мальчик? — чуть выдвинулись клыки Предвечного. — Я полдня, пока ты отсыпался под корягой, расследовал твоё дело и видел сегодня Миранду достаточно близко, чтобы почуять её кровь. Дочь Вечерних теней нетронута.

— Мне не понадобился этот путь, мой князь. Он показался мне ненадежным, и я нашел другой. Известная тебе заклинательница вынуждена была раскрыть тайну.

И попробуй, древний недоросток, проведи мне очную ставку с Ликой, ухмыльнулся про себя Даори. Князь думает, что сломал наследника рода Энриати? Пусть думает, не будем разубеждать. А путь для окончательного возвращения Даори найдет, даже если его снова

обратят. Он умен, терпелив и упрям. Пусть некоторые трупы и считают его дураком. Да, пусть считают.

— Хорошо, расскажешь подробности дома, — с подозрением прищурился князь, хотя Даори не переходил на мысленную речь. — Ты отчислен, и хлопотать о восстановлении я не буду. В Академию ты не вернешься.

— Да, мой князь. Жизнь и свобода, моя и моей матери, будут достаточной ценой за два уникальных заклинания.

Зан-о-Мьир расхохотался.

— Каков наглец! Вот почему я еще тебя терплю? Более того, даю слово Предвечного, что жизнь вам двоим я оставляю. Но теперь уже никакого эликсира. Это тебе наказание за покушение на меня, или на мой образ, что одно и то же. Ты получишь даже относительную свободу, но освободить от Зова может только полное уничтожение. Так что твои желания слишком противоречивы, чтобы быть выполненными полностью. Радуйся жизни, недовампир, — он отвел волчьи глаза от непроницаемого лица пленника, глянул на подданных. — Гельмуд, останься и подчисти все наши следы в Академии. Посещай занятия и продолжай нашу работу в библиотеке вместо Эсмуса, Вултон в курсе замены. Будешь тут, пока не призову. Ну и с Миранды глаз не спускай, наш недосветлый мальчик влюблен, а мало ли с девочкой что плохое случится... если он проявит непослушание. Всем остальным — на крыло, летим. Летим домой, Младший.

Изоощренный ум Зан-о-Мьира придумал для Даори самое тяжелое наказание — наблюдать за агонией матери и ухаживать за умирающей. Ему запретили покидать территорию клана вообще и княжеского дворца в частности. Преступника, покушавшегося на самого Предвечного, лишили статуса высшего вампира. Само отсутствие Жажды переводило его из ранга хищника в ранг жертвы. Старший надел на него магический ошейник, как на раба, и снова сделал его крылатую спину ступенькой к трону. Только теперь у Даори не было привилегий Младшего. Живая кровь? Значит, он — потенциальная пища, всегда готовая к употреблению.

Враги Даори — а это весь клан Неупокоенных — скалили клыки всякий раз, когда шли мимо, особенно когда главы клана не было рядом. Кусать не смели, все-таки он — личная княжеская собственность, но ущипнуть (женщины), ткнуть кулаком под дых (мужчины) или когтем под ребро (снова женщины), грязно обозвать и проклясть (все) — это в порядке вещей.

В ответ враги получали весь букет действий зеркально, а вдобавок — укусы вампирьих клыков лен-мага. Зан-о-Мьир потешался и никого не наказывал.

— Из тебя получился отличный шут, мой недосветлый мальчик, кто бы мог подумать? — мерзко ухмылялась голова старца на теле подростка. — Только ради забавы стоило оставить тебе жизнь. Как твои успехи с разгадкой моего эликсира?

— Так же, как твои с разгадкой моих заклинаний, — пожимал плечами Даори.

Этим сокровищем лен-маг распорядился лучше, чем родовыми драгоценностями и амулетами. Он охотно показывал результат: в первую очередь сплел экранирующий защитный кокон для матери и далее создавал по желанию князя, но не рассказывал. Единственное, что он открыл: заклинание из разряда светлой магии, следовательно, основной массе вампиров недоступно. Конечно, оставались такие, как Гельмуд, но пусть сами ищут.

— Я оставил тебе жизнь в обмен на заклинание! — орал потерявший терпение Зан-о-Мьир. — Ты хочешь, чтобы я прибегнул к крайней мере? Ты забыл, в Академии осталась заложница. Мы ее не трогаем, но твое упрямство вынуждает...

— Так я и заклинаю по первому требованию, даже из последних сил! Разве хоть раз отказался? А твой глупый шантаж вынуждает меня забыть даже то, что знаю! Тронешь Миранду, и я навечно уйду в кокон, буду ждать, когда ты сдохнешь! — еще громче орал на него Даори, шантажируя тем, что такая редкая птица, как вампирский шут, сумевший соединить темную и светлую магии, может кукарекать вволю. И пусть ему рубят буйную голову, но заткнуть не смогут. — И учти, Старший, мои мозг и тело будут только совершенствоваться, а твои — ветшать.

Ни угрозы, ни пытки Зовом, ни даже обещание целого флакона эликсира не заставили упряма раскрыть тайну.

Еще хуже для князя обстояли дела со вторым, самым важным, казалось бы, заклинанием вызова духа.

Тут надо оговорить, что спиритизмом не владел ни один вампир. Неупокоенные, как существа, находящиеся между миром живых и мертвых, прекрасно могли видеть духов и

даже общаться с ними, но вызывать по желанию, увы, им не дано. Такой силой обладали только живые. Потому что духи откликались и являлись исключительно на зов жизни.

Этим обстоятельством и воспользовался хитроумный лен-маг, умудрившийся убедить князя, что если тот выпьет обнаглевшего бунтаря и второй раз обратит, то лишится ключа к заклинанию.

— Даже если ты будешь знать заклинание наизусть, тебе оно не поможет, мой господин, — убедительно врал Даори, сидя в ногах Старшего и снизу вверх глядя в рыжие волчьи глаза особо преданным собачьим взглядом. — Вампиры отвратительные спиритуалисты. И этот приобретаемый при обращении дефект только я смог устранить. Только я могу сплести для тебя заклинание или Лика Тария. Но разве ты сумеешь ее заставить? А я всегда к твоим услугам, лоялен и послушен тебе, Предвечный, и вызову дух по твоему желанию в любой момент. К счастью, именно этот дух мне оказалось намного проще вызвать.

— Ты юный наглый паршивец, — угрожающе скаля клыки, склонялось к нему уродливое лицо старца-подростка. — Я ведь чую подвох!

— В чем же, мой драгоценный князь? — таращил до ужаса честные голубые глаза лен-маг. — Клянусь жизнью матери, я говорю тебе правду.

— Я помню, какую картину увидел в тот день твоими глазами, Младший, и вызванный Ликой дух совсем не походил на твой, с позволения сказать, душок.

— Мой душок?! — возмутился Даори. — Мой дух велик! Он выдерживает даже общение с тобой!

— Это кого ты сейчас имел в виду?

— Ну, конечно, вызванный мной дух гениальной лингвистки Эллины Вивер, кого же еще! Мой князь, твоим знаниям позавидовала бы вся библиотека Академии Тьмы от первой полки до последней. Ты же помнишь: спиритуалист не видит лик духа, если не был с ним лично знаком. Вся разница в том, что Лика явно не знакома с госпожой Вивер, а я лично знал Эллину целый год, ты же знаешь, сам отдавал меня ей в ученики.

— Я так же хорошо помню, что речь шла о духе языка, то есть никогда не жившей сущности.

Даори тяжело вздохнул, понутив голову:

— Прости, я ввел тебя в заблуждение. Мне так хотелось найти что-нибудь стоящее, чтобы купить эликсир для матери, что я принял желаемое за действительное.

«Посмотри мне в глаза, Даори!» — захлестнул его Зов.

Лен-маг вскинул голову, придал взгляду усталости, но смотрел твердо:

— Ты же понимаешь, мой господин, что вызвать нежившее невозможно. Дух есть только у живого.

— А как же Божий Дух?

— Вот еще у Бога. Но ты же вампир, мой князь, пусть и Великий, и Предвечный, и прочая. Не дерзнешь же ты вызывать такой Дух?

— Поди прочь, видеть тебя не могу, — сдался Зан-о-Мьир, откидываясь на спинку кресла и сплетая пальцы. В такой позе задумчивого подростка, со скрытым в тени рук уродливым и жестким лицом, он казался трогательно беззащитным и хрупким.

Даори, ликуя в душе, убрался в свой закуток, который делил с умирающей матерью.

Такие диалоги, слегка варьировавшиеся в словах, происходили регулярно. Зан-о-Мьир каждый раз испытывал аргументацию, искал нестыковки, заставлял прокручивать

воспоминания о том проклятом дне и пытался прощупать Зовом мозг упряма. И пока терпел поражение. Но Даори не оставляло ощущение, что после каждого такого штурма в его защите появлялась крохотная трещинка.

Интуиция лен-мага вопила: нужно бежать как можно быстрее. Но как? Магический ошейник не снять. Он пытался. Действие ошейника исчезало только в экранирующем все воздействия коконе, но как к нему приделать крылья? К двум коконам. Он не мог оставить умирающую мать в плену.

Даори натаскал горячей воды, стараясь не привлекать внимания вампиров. Князь, конечно, распорядился, чтобы его шуту не мешали, но лучше не провоцировать.

Раскрыл кокон, укрывавший тело Лолии. И, осторожно, чтобы не повредить рубцы ожогов, протер намоченным куском ткани и осмотрел больную.

К его удивлению, в защитном коконе состояние светлой магии стабилизировалось. Когда ее прекратили поить и обмазывать «эликсиром Неупокоенных», она впала в кому, но в коконе ее внешний вид даже улучшился. Возможно, организм, лишенный любого внешнего влияния, обратился к самым глубинным внутренним источникам, как это испытал на себе Даори. Жаль, что мать не может сознательно управлять процессом.

Закончив с гигиеной, он напоил магиню бульоном из тощей утки — готовить его Даори ходил на задний двор, где вампиры содержали «пищу» — пленников всевозможных рас. А утку он сбил сам, обернувшись летучей мышью. Еда стала проблемой. Пить кровь он мог, но не хотел, его тело уже не нуждалось в даре чужой жизни, отнимаемой вместе с кровью. А считать пищей варево с нечищеными овощами, которым кормили пленников, он не мог и не хотел.

В кухне для пленников он пользовался только печью. Ловил дичь всеми способами, какими мог, чистил найденные в лесу корешки, и под презрительными взглядами надсмотрщиков готовил себе и матери. Оставалось только донести кастрюлю до комнаты и не нарваться на желающих опрокинуть ее содержимое на его голову.

В первые дни таких желающих находилась масса. Вампиры даже пренебрегали сном ради такой забавы. Но после того, как Даори порвал одного голыми, но снабженными отличными когтями, руками и вырвал сердце, ненависти к нему прибавилось, а желающих пакостить уменьшилось.

— Какой кошмар! И это — считающий себя светлым мальчик! — фыркнул Зан-о-Мьир, когда Даори скрутили и приволокли к Предвечному на суд. — Прощен. Даже поощрен. Потом придумаю чем. А те неразумные особи, кто поднимет лапу на мою собственность, будут порваны мной лично.

Лен-мага оставили в покое, но вампиры чутко отслеживали, когда их враг впадет в немилость.

Так и проходили день за днем, ночь за ночью.

Даори чувствовал, что по волосу поддается осаде терпеливого, готового ждать хоть столетия князя, а сам не мог ничего придумать. Даже избавиться от ошейника. Он не приближался к цели, наоборот, уже терял смысл существования. И с ужасом ждал появления Гельмуда с обращенной им Мирандой. Пока князь не отзывал из Академии своего пса, угроза оставалась. И Даори никак не мог ее защитить. Он и себя не смог.

Но в один прекрасный день забрезжила надежда.

Случилось это во время кормежки «стада».

Даори, нацепив на себя маску безразличия, разделявал на кухне для пленников

пойманного в княжеском лесу зайца, когда за окном поднялся невообразимый шум. Надзиратель, следивший одним глазом за лен-магом, а другим — за прикованным к стене пленным поваром, ворочавшим огромный котел, выскочил за дверь.

Раздался оглушительный сигнал тревоги, перебудивший всех вампиров.

Даори прильнул к окну и присвистнул: «стадо» взбунтовалось. Отчего-то вдруг обезумевшие люди и нелюди разнесли ворота барака, повалили двух или трех надзирателей, а через пару минут уже неслись в сторону леса. А над ними уже кружили десятки крылатых фигур.

— Жаль, их всех поймают, — вздохнул лен-маг.

— Не всех, — отозвался хриплый голос. — Я не дамся.

Вздрогнув, Даори оглянулся. Пленный повар стоял за ним, держа в руке забытый лен-магом нож, которым тот разделявал дичь. Старик поднял тоскливый взгляд к закопченному потолку, осенил себя каким-то странным знамением.

— Я больше не дамся, — твердо сказал пленник. — Грех это, но меня они не возьмут. Ты, парень, свидетель, что я ухожу ради спасения своей души. А ведь был монахом, Богу служил.

— Откуда ты, старик?

— С Ильских островов, вестимо. Где ж еще простые люди еще остались.

— В Белой империи много простых людей, без магии. А как в плен попал?

— Паломник я. К драконам смерти шел, жизнь менять.

— Как это — жизнь менять?

— Да так. Свою, никчемную, на жизнь одного мальчика.

— Сына?

— Что ты! — махнул старик рукой с ножом так, что красные брызги полетели, испачкав и его, и мага. — Монах я, говорю. На жизнь принца нашего, наследника у короля единственного. Болен он смертельно, только чудо могло помочь. Да видишь, Бог наказал меня за дерзновение.

Интуиция не шептала, а вопила в полный голос: не упускать! За такую ниточку потянуть, сундук сокровищ нарыть можно.

Старику умирать не хотелось. Хотел бы — повару можно найти сотню способов покончить с жизнью, и надзиратель не успеет помешать. Даори, косивший одним глазом в окно, решился:

— Я помогу тебе бежать, если и ты мне поможешь. Сейчас я сделаю вид, что укусил тебя. Подыграй мне, и я тебя вытащу.

— Как вытащишь-то? Ты сам тут пленник, я же вижу. Вон, ошейник на тебе. Аристократ небось, поэтому и свободы тебе больше дали.

Вампиры уже расправились с взбунтовавшимися пленниками — часть перебили, часть загнали в барак, — и двое надзирателей шли к кухне.

Едва они открыли дверь, Даори дернул на себя старика, выворачивая ему руку с ножом, вонзил клыки в немытую шею, но не пил, а незаметно сплевывал, давясь от отвращения. Монах верещал и пытался вырваться, но куда слабому человечку против железных рук бывшего вампира.

— Ого! — воскликнул надзиратель. — Никак Даори снова наш? Вот веселуха!

Лен-маг на миг отвлекся, чтобы продемонстрировать окровавленные клыки, и этот миг стал роковым. Пленник пробормотал: «Прости, Господи!» — и словно в него вдохнули

нечеловеческую силу. Он выдрал вооруженную руку и перерезал себе горло.

«Прости, старик! Я хотел дать тебе свободу, просто не сумел объяснить. Пусть твоя душа летит к твоему Богу», — Даори осторожно опустил его на пол. Встал, пошатываясь, прошел мимо ошеломленных, посторонившихся вампиров, так же, никого не видя, не замечая окровавленных одежд.

Прошел бы даже мимо князя, наблюдавшего за бойней, как без него. Да тот задержал, не дав приблизиться к задней двери дворца:

— Вижу, ты одумался и принял свою сущность, Младший. Всегда подозревал, что ни к чему обращать второй раз светлых отступников, они от этого тупеют. Что ж, я рад. Теперь наши дела пойдут быстрее. Я даже готов отозвать Гельмуда. Согласен, Младший?

— Да, мой господин, — Даори медленно опустился перед ним на колени, соблюдая ритуал подчинения. Обнял ноги Старшего. На миг пожалел, что нельзя сейчас запустить в ненавистную плоть все десять когтей. Почувствовал, как ложится на его голову потеплевшая ладонь только что нажравшегося крови мертвеца, ворошит его длинные золотистые волосы.

— А знаешь, милый мой Даори, — с улыбкой в голосе тихо произнес Предвечный, — мне даже жаль, что ты сломался, и все закончилось. Ты был такой чуждой игрушкой. Прекрасный, как день, и такой же недоступный светлый маг. Непокорный, дерзкий, остроумный. Мне впервые за сотни лет было весело наблюдать за твоей борьбой. Почему ты сломался так быстро? Зачем мне еще один раб? — ладонь сжалась в кулак, сгребая волосы в горсть и с силой запрокидывая голову Даори. Рыжие глаза стали почти кровавого оттенка, капля крови катилась по щеке князя, и можно было подумать, что он плачет. — Зачем? Если бы я хотел раба, я бы обратил тебя второй раз! Ты все испортил, Даори, будь ты проклят! Я не играю сломанными куклами!

С силой оттолкнув лен-мага — так, что тот повалился на бок, — ненаигравшийся при жизни, уже полтысячи лет скучающий подросток отвернулся и, ссутулившись, побрел во дворец.

А позади зашевелились, зашелестели крыльями десятки Неупокоенных, так долго ждавших этого момента для мести.

«Я знаю, как все вернуть, мой князь», — мысленно произнес Даори, чувствуя, как сжимается вокруг него кольцо вампиров, все еще осторожничающих — слишком медленно уходил глава клана, да и не дал явного приказа. Лишь показал, что не будет вмешиваться.

«Опять врешь?» — вяло отозвался Зан-о-Мьир.

«Не я. Старик, которого я убил, рассказал мне о драконах смерти, с ними возможна сделка».

«Чушь. Даже знать не желаю. Драконы просто развоплотят тебя, вякнуть не успеешь, рассыплешься горсткой пепла».

«Я буду в защитном коконе. Успею высказаться, пока они его ломают».

«Думаешь, твоя скорлупа удержит их? У драконов смерти нематериальная сущность, пора бы знать, недоучка. И что ты собрался им предложить?» — хрупкая фигурка князя замерла перед дверью. Та послушно распахнулась. Если он сейчас скроется, это станет командой для стаи Неупокоенных. Они тоже хотят развлечься.

«Тайну! — рассмеялся Даори. — Тайну, которую нашла в твоих манускриптах и расшифровала Эллина Вивер. Тебе же будет интересно посмотреть моими глазами на драконов смерти и узнать, чем кончится эта авантюра, Предвечный?»

«Да я и так знаю, глупец. Твоей окончательной...»

«Жизнью! — закончил лен-маг. — Спорим? На тайну. Любую. Что ты теряешь, Старший? Сломанную куклу?»

Зан-о-Мьир медленно обернулся. Кривая ухмылка сделала его лицо еще уродливее.

— Ну, и что ты там коленями грязь месишь, Даори? Ходить разучился? Почему не сопровождаешь своего князя? Впрочем, ступай помойся, от тебя смертным грехом несет, тошно даже мне. Бездна знает какую дрянь в рот тащишь. Монаха-самоубийцу! Нашел, кем разговеться. А вы там что собрались, возлюбленные мои стервятники? Почему, Хург вас всех упокой, я вечно должен всем напоминать, что мой Младший — неприкосновенен?

«Пока я этого хочу. Помни, мой светлый шут».

«Помню, мой мертвый князь, помню», — но эту мысль Даори не стал открывать.

* * *

Он ушел через трое суток. Это время потребовалось, чтобы создать несколько амулетов на всякий случай, окончательно утрясти для самого себя план действий и подготовить сухой паек для путешествия, хотя ему казалось, что вряд ли оно будет долгим. Драконы слишком бдительно патрулируют свои границы, чтобы можно было далеко зайти вглубь их территории. Еще бы, у них и жизни-то, наверное, в горах никакой уже не осталось, вот и ждут, какую дурную птицу к ним занесет ветром, дерутся за каждое перо.

Лен-магу удалось так раздражить любопытство князя, что тот пошел на значительные уступки: отозвал своего пса Гельмуда, дал слово не трогать Миранду и даже разрешил отправить кокон с бессознательным телом Лолии в Белую империю. Правда, для последнего подвига Даори пришлось пожертвовать тайной защитного заклинания, открыв его в письме к ректору Академии Света, мэтру Алиану. И для противовеса — Зан-о-Мьиру, конечно. Все равно заклинание бесполезно почти для всех вампиров.

Князь так взбесился, что едва не покусал наглого голубоглазого хитреца вторично. Остановила мысль, что после такой дозы яда Даори и сам не сможет воспользоваться коконом и весь план с драконами полетит в Хургову бездну.

Зан-о-Мьир на удивление легко, хуже ребенка, велся на крючки, которыми Даори теребил и возбуждал его интерес к авантюре.

Так может быть, интерес древнего вампира лежал в плоскости, совсем выпавшей из внимания светлого мага? Может, Предвечный что-то знал о тайне Эллины Вивер, которую она унесла в Небытие? И знал гораздо больше, чем Миранда и Даори?

Но маховик был уже запущен, и лен-маг не мог и не хотел его останавливать.

Великий князь не погнушался лично проводить его к границе, за которой начинались горы Смерти, наштигованные одноименными драконами.

Даори, обернувшись летучей мышью, полетел к видневшимся на горизонте горам. Он чувствовал взгляд и внимание Старшего, умудрявшегося как-то находить в ночной тьме невидимую живую точку.

Возможно, Зан-о-Мьир надеялся, что все случится на его глазах. Или думал, что каким-то образом успеет вытащить Младшего при нападении. Как бы там ни было, Даори долго ощущал безмолвную поддержку князя, чьим кланником, по сути, уже давно не являлся, а теперь перестал быть и пленником.

Временно. Князь вырвал у него обещание, что Даори вернется по доброй воле, если останется жив.

Ликовал ли маг, получив свободу? Недолго. Скорее, ощущал себя заброшенным к врагу амулетом с проклятием. Зан-о-Мьир намеревался использовать его каким-то непонятным

образом. Это чувство бесило Даори, но отгадку он нащупать не мог.

А потом он осознал чье-то присутствие рядом с собой. Чье-то скользящее рядом невидимое тело — огромное, всепоглощающее, во все небо.

Смерть всегда приходит неслышно.

Тот вечер Миранда провела в столичной резиденции Вечернего князя. Она места себе не находила, ходила из угла в угол, попинала ни в чем не повинный стул, поднялась на крышу, откуда так хорошо наблюдать за полетами высших демонов.

Она сидела там очень долго, до полуночи. Наконец мощная крылатая фигура деда опустилась на площадку.

— У меня для тебя плохие новости, Миранда, — не стал тянуть Тьор. — Пойдем в дом, обсудим.

Она побрела за ним, спотыкаясь и ничего перед собой не видя. Опоздали! Ее светлый маг, ее мечта... Что эти кровососы с ним сделали?!

Дед, подхватив ее под локоток, довел до столовой, усадил в кресло, сунул в руки чашку с водой.

— Не расклеивайся, девочка. Где твой боевой дух?

Миранда всхлипнула.

— Там, где Даори. Что с ним?

— У тебя все настолько серьезно?

— Да. Можешь от меня отречься. Мне нужен этот... — она все-таки не решилась произнести под пристальным взглядом деда крамольное слово «вампир», — этот маг.

— Посмотри на меня, девочка моя, — Тьор ласково коснулся ее руки. — Неужели ты думаешь, что я буду осуждать тебя? Мы, Вечерние, — зыбкая граница между Тьмой и Светом. Ты знаешь, что закаты — всегда феерии. Вот и в моем клане — вечная борьба противоположностей и бури страстей. Чувствами к белым магам нас не удивишь. Того и гляди, кто-нибудь из моих кланников по уши втрескается в лунную или солнечную деву. Вампир? Что ж, тебе не повезло, но было и это. Я знаю, что убеждать и удерживать тебя бесполезно. Эллина Вивер ушла к ним тоже из великой любви... к науке.

— Смеешься? — Миранда подняла заплаканные глаза.

— И это демоница! — вздохнул Вечерний князь. — Нет, милая, мне не до смеха. Моя драгоценная внучка полюбила, пока не важно кого, но не собственного жениха. Мне предстоит серьезный разговор с Таем и разрыв с его семьей. Что тут смешного? Они не простят оскорбления. Впрочем, мне тоже есть что им предъявить. Отложим пока разговор о твоих чувствах. Давай-ка по порядку об их объекте. Итак, куратор передал мое приглашение Таю.

— Кому? — разом высохли слезы.

— Твоему жениху. Можно говорить — уже бывшему. Оказалось, он в этом деле исчезновения двух адептов Академии замешан по кончики рогов.

— Двух?

— И оба вампиры, — кивнул Тьор. — Пропал еще некий Эсмус, но значительно позже. В Академии вместо него ошивался третий, но они нам неинтересны.

— Совершенно, — прошептала Миранда.

— Гораздо интереснее, что за Даори Энриати явился сам Предвечный князь с большим отрядом, и это передвижение не было санкционировано Темным Троном. У владыки есть что им предъявить.

«Замечательно, но как это поможет Даори?» — подумала девушка.

— Сегодня принц Дьяр призвал Тринадцатую Тень. До таинства меня не допустили, но результат изволили открыть. Миранда, поставь чашку, она из моей любимой коллекции фарфора.

Она послушно опустила посуду на стол и отодвинула подальше.

— Его нет в Тринадцатом клане, внучка, — сказал Тьор, опустив ладонь на ее руку и слегка сжав, утешая. — Это еще не значит, что он погиб. Тень заявила, что Даори Энриати фактически перестал быть кланником больше месяца назад, а в это время он еще находился в подземельях Академии.

«Убью, Тай!» — сжалась ее ладонь в кулак. Дед одобритительно похлопал ее и убрал руку.

— Понимаешь странность, внучка? Сама Тринадцатая Тень, великий дух клана, которому открыты все души, говорит, что Даори — вне ее ведения! Это может означать только одно: он уже не вампир! Как могло случиться такое чудо, будем выяснять, но если так, то нас ожидают великие потрясения. Может быть. Если только твой Даори не единственный уникальный случай во всей вселенной.

Единственный и уникальный, улыбнулась Миранда. И тут же поникла. Если даже Тень не видит его душу, то как она найдет Даори?

— Но то, что недоступно даже таким сущностям, как Тень клана, как оказалось, вполне доступно банальным соглядатаям, — продолжал дед. — Его высочество получил донесение, что до сегодняшнего вечера в Тринадцатом клане находился на положении пленника отступник по имени Даори Энриати. Не мертвец. Не вампир. Живой. По крайней мере производил полное впечатление живого. В рабстве у Зан-о-Мьира, но свободный от проклятия Крови.

Миранда забыла, как дышать. Слушала, распахнув вишневые глаза и вцепившись когтями в скатерть с такой силой, что в ткани образовалось десять дырочек. Если так, то все почти хорошо. Ее светлый маг жив, это главное. Тогда почему дед такой мрачный?

— Через Тринадцатую Тень принц передал главе клана приказ доставить незаконно удерживаемого пленника во дворец, — продолжил он рассказ. — Такому приказу противиться невозможно. Ни один князь не сможет при всем желании. Тень — дух клана. Зан-о-Мьир же лишь расхохотался. Дьяр опоздал. Мы опоздали. Сегодня вечером, буквально час или уже два назад, Предвечный не просто отпустил пленника. Он отправил его к драконам смерти. Вот так, Миранда.

Она долго молчала, не обращая внимания на сочувственный взгляд деда, в котором сквозило явное облегчение. Позор, которым покрыла бы себя его внучка, связавшись не то со светлым магом, не то с вампиром, миновал семью.

Миранда не стала ничего говорить. Она улыбалась, вспоминая голос Эллины Вивер: «Нужно пройти через жизнь и не-жизнь, через смерть и не-смерть, чтобы вернуться в новую, истинную жизнь, которая еще может быть даже для вампира». Значит, он нашел ключ к загадке, понял, как выполнить эту формулу. Она догадалась, зачем Даори отправился к драконам смерти на верную гибель. К кому же еще? Чтобы воскреснуть окончательно. Насовсем. Для нее.

— Девочка моя, попей воды, — Тьор осторожно потормошил ее за плечо.

Она подняла на него спокойный взгляд.

— Все хорошо, дед. Я в порядке. Еще одна детская мечта умерла, бывает. А с Таем я сама поговорю и разорву помолвку.

— Нет уж, тут не только в тебе дело. Я бы понял, если б он дрался с Даори один на один. А он — в спину серебром, чужими руками... — и осекся, поняв, что проболтался, и бодренько закруглил: — Демоны — ребята, может, и жестокие, но не подлые.

— Скажи это «шмонарям». А с Таем все же позволь сначала мне, — твердо сжались ее губы.

* * *

Поговорить не получилось. И Дьяра расспросить о том, что же утаил дед, тоже не получилось. На следующий день подругу Лику похитили шпионы Белой империи, оказавшиеся не кем иным, как их приятелями Айресом и Дагом и почти подругой Зулией.

Потом Лика вернулась, но стало известно, что владыка Сатарф отрекся от Трона и передал власть наследнику Дьяру. Весь Тархареш всколыхнулся, едва не случился переворот. По крайней мере, в Академии так точно случился. Сменился ректор, сменился глава Темного ковена.

Принц Дьяр стал владыкой и отстранил от власти Тьора Вечернего, обвинив в измене.

Миранду, как внучку опального князя, уже бывшего, вышвырнул из Академии новый ректор. В его решении сыграло роль и ходатайство куратора Грида Сайка, всеми силами набравшего очки в глазах новой власти.

Она так и не смогла увидеться с Ликой. Говорили, что подруга сильно пострадала на коронации. Миранда пыталась добиться аудиенции у Дьяра. Но кто же пустит во дворец почти соучастницу и изменщицу? О ней даже не доложили. Стражники посоветовали убраться с глаз.

Миранда так и сделала: уехала в родной город, порадовалась, что так и не переселилась в княжеские хоромы, как ни звал дед. Зато теперь ее никто не изгонит с позором, и можно тихо жить в маленьком домике, мастерить на продажу нехитрые амулеты и ждать.

Он вернется, ее золотоволосый маг с сияющими голубыми глазами. Он найдет ее.

Но сначала — и месяца спокойной и тоскливой жизни не прошло — Миранду нашла Лика. И с боем — а Лика это умеет, как никто другой, — заставила восстановить на курсе да еще и стипендию за пропущенный месяц выплатить. Перед подругой даже новый ректор бледнел. Еще бы, она теперь Ками-рани его темнейшества. Советница и хранительница, которой поручено найти за год невесту владыке. А у ректора дочь на выданье.

Потом много чего случилось. Не с тихой, почти погасшей Мирандой, а вокруг нее, но это совсем другие истории.

И однажды она получила бандероль. Ее доставили официально — с дипкурьером царицы Серых Холмов. Это была самая скандальная дипломатическая почта в истории Тархареша, поскольку доставили ее Лике и Миранде не кто иные, как оборотни, гонимые демонами хуже дичи и вампиров.

Миранда приняла небольшой, но увесистый пакет, расписалась, улыбнулась в ответ на заговорщический шепот слишком волосатого курьера:

— Чистейшая контрабанда, сударыня!

И, еле дождавшись ухода оборотня, разорвала серую невзрачную упаковку.

Действительно, контрабанда. Отложив в сторону тяжелую коробочку, она быстро перелистала изданный в Белой империи роман с названием «Белокрылый рыцарь», даже потрясла над столом. Но никакого вложенного послания не обнаружила, на страницах никаких посторонних надписей, которые могли бы открыть ей имя отправителя, не нашла. Неужели дед Тьор, прекрасно знавший о ее романтических увлечениях, сумел послать ей

весточку? Где-то он сейчас? Жив ли?

Огорчившись, девушка раскрыла отложенную коробочку. И ахнула. Там лежал подарок, который назвал ей имя отправителя громче труб глашатаев.

Миранда достала маленький, с пол-ладошки, искусно созданный ювелиром кусочек дивного сада, ласково провела кончиками пальцев по камушкам дороги, сделанной из чистого золота, по алмазным и рубиновым крохотным цветам, посаженным вдоль золотого полотна. Не драгоценности видела в этот миг девушка. Маленькую пыльную комнатку в подвале учебного корпуса Академии Тьмы и светлого мага с голубыми глазами и смущенной улыбкой, подарившего ей кусочек сказки.

«Где скачут на крылатых пегасах белые рыцари, где вместо цветов растут сверкающие на солнце алмазы, а дорожки в благоухающих парках вымощены золотом».

У него все получилось. Он жив. Он помнит. Он придет.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте — Knigolub.net